

АЛЕНА АЛЕКСИНА

Игра со Зверем

ХОД ПЕШКОЙ

Игра со Зверем

Алёна Алексина

Игра со Зверем. Ход пешкой

«Алёна Алексина»

2013

Алексина А.

Игра со Зверем. Ход пешкой / А. Алексина — «Алёна Алексина»,
2013 — (Игра со Зверем)

ISBN 978-5-9922-1557-1

Попаданки бывают разные. Но Кассандре повезло меньше остальных. Из современного мегаполиса она попала в чужой и жестокий мир. Точнее, не попала. Ее туда притащили силой. В этом мире нет белых единорогов, добрых фей и прекрасных принцев. Он вообще проклят. Одни здесь не умеют чувствовать, другие не отличают добро от зла. А все люди тут – рабы. И сам мир зиждется только на праве силы. Да, Кассандра попала в очень страшную и жестокую сказку. И, похоже, она здесь единственная, кто умеет любить и сострадать. Сможет ли она изменить мир? Или мир навсегда изменит ее?

ISBN 978-5-9922-1557-1

© Алексина А., 2013
© Алёна Алексина, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алёна Алексина

Игра со Зверем. Ход пешкой

*Автор выражает глубокую благодарность
Ольге Фост и Екатерине Казаковой за помощь и поддержку.*

Если можешь – беги...

Группа «Пикник»

Пролог

Хлопнула дверь. Высокий мужчина вошел в залитый солнцем покой. С его появлением в комнате сразу стало тяжелее дышать, а свет как будто померк.

Широкоплечий, голубоглазый, красивый. Но во взгляде – мертвая застывшая жуть. Ни любви, ни обиды, ни ярости. Пустота. Страшная, непривычная.

– Торжествуешь? – спросил мужчина.

Женщина, стоявшая у окна, смотрела на него с болью.

– Нет, – ответила она, и голос был тверд. – Но я довольна.

За спиной вошедшего застыл худенький мальчик. Очень на него похожий. С таким же безжизненным взглядом. Он равнодушно глядел на взрослых и молчал.

– Вы заслужили. Все заслужили, – сказала женщина, тщетно борясь с рвущимся из груди рыданием.

Она отомстила. Но месть не принесла облегчения и радости, потому что не притупила боль потери и не умерила горечь предательства.

По щекам текли и текли медленные тяжелые слезы. Но мужчина словно не замечал страданий собеседницы. Смотрел безо всякого интереса, лишь уточнил:

– А о последствиях ты подумала?

Ему не было ее жаль.

Черные глаза женщины наполнились запоздалым пониманием. В них еще дрожала влага, но постепенно обиду и боль вытеснял медленно наползающий ужас.

– О последствиях? – спросила она сиплым голосом и прижала руку к горлу, словно испытала приступ удушья.

– Да. Вот, например, мой сын, – он кивнул на безучастно стоящего в стороне ребенка, – тоже заслужил твой гнев?

Собеседница отшатнулась, хватая ртом воздух. Кажется, только теперь она начала понимать, что сотворила, и испугалась.

Мужчина подошел вплотную и заглянул в наполненные болью глаза.

– Я любил тебя...

– Нет, – тонкие женские пальцы нежно убрали с высокого мужского лба прядь светлых волос. – Ты не умеешь любить.

– Теперь да, – последовал согласный ответ. – Не умею. Ни любить, ни сожалеть, ни раскаиваться. А ты?

Холодные голубые глаза смотрели в душу.

Женщина почувствовала, как по лицу снова ползут обжигающие слезы.

Она *умела* сожалеть. И бояться. И раскаиваться. И все еще умела любить. Взгляд метнулся к ребенку.

– Я все исправлю... – прошептала она, глядя в безжизненные детские глаза. – Мальчик мой, я все исправлю!

– Нет, – голос мужчины оборвал жалкий лепет оправданий. – Уже не исправишь. Ты все отдала во имя своей мести и теперь пуста. Исправить не удастся. Поэтому смотри.

Он дернул собеседницу к себе и развернул, заставляя вглядываться в застывшее, словно маска, детское лицо:

– Смотри.

Она закрыла глаза и прошептала:

– Ненавижу тебя. За то, что ты сделал со мной... с нами.

– Увы. Я бы и рад ответить взаимностью. Но не могу.

Мужчина развернулся к сыну, безо всякой ласки подтолкнул его к дверям и вышел следом.

Женщина осталась одна с вихрем противоречивых чувств, бушевавших в груди. Главным из которых была не обида. Отчаяние.

Слезы лились недолго. Скоро внутри воцарилось глухое равнодушие. Словно умерло нечто такое, без чего жизнь навсегда утрачивает смысл. Так вот что он сейчас чувствует? Пустоту. Зияющую пустоту там, где раньше билось, кричало, ликовало и горело то, что принято называть душой? Но почему же эта пустота не дарует покоя?

Перед глазами стояло окаменевшее лицо мальчика, проклятого теперь так же, как и отец. А эта пустота! Пустота выжженной души в глазах ребенка! Единственного, кто по-настоящему любил ее, и кого любила она. Несчастный мальчик, за чужие обиды и ошибки оставленный один на один с черной зияющей бездной...

Слова заклинания всплыли в памяти сами собой, но теперь женщина взывала не к силе, которой у нее не осталось, а к древней как мир магии демонов, берущей в оплату только жизнь. Последнее заклинание. Оно убьет творящую колдовство, но спасет ребенка.

В глазах потемнело.

Холодно! О, как холодно! Сердце глухо стукнуло в последний раз. Мальчик не будет проклят. И он сможет... обязательно сможет победить бездну, которая поглотила остальных.

Часть I

Не открывать глаза! Если ничего не видеть, можно убедить себя, что все происходящее – лишь игра воображения. Как и тошнотворный запах отчаяния, повисший в воздухе. Вот только безжалостный удар между лопаток никак не может быть выдумкой!

От боли крепко зажмуренные глаза распахиваются сами собой.

Яркое солнце ослепляет. Разве может в такой день случиться хоть что-то плохое? Небо прозрачное – ни облачка, только одинокая птица парит высоко-высоко. Сверху ей, наверное, отлично видны и деревянный помост из неструганых досок, и стоящая на нем девушка, и толпа вокруг.

Люди кричат, потрясают кулаками, словно каждый хочет принять участие в расправе над виновной. Вот только в чем она виновата? Кэсс втягивает голову в плечи. Она чувствует себя обреченной и жалкой. Страшно!

Сзади кто-то, отчаянно воняющий чесноком и потом, накидывает ей на шею петлю. Тяжелая веревка падает на плечи. Толпа воодушевленно ревет, требуя казни, но обреченная едва слышит. Даже искаженные криками лица и сжатые кулаки сливаются для нее в одно расплывчатое пятно. Она смотрит невидящим взглядом перед собой и не верит в происходящее. Конечно, ее обязательно спасут. Иначе и быть не может!

Но жутко и неумолимо затягивается на шее веревка, оглушительными становятся крики... Только сейчас жертва начинает понимать, что все по-настоящему, все всерьез! Горло сжимает удавка. Еще несколько мгновений, и тот, кто стоит сзади, нажмет на невидимый рычаг, доски помоста уйдут из-под ног, а бесчувственное тело рухнет в пустоту. Девушка в ужасе озирается вокруг.

Неужели последнее, что она увидит – это искаженные ненавистью и криками лица? Однако тут взгляд выхватывает среди беснующейся толпы плечистого светловолосого мужчину. Он не обращает внимания на окружающих и задумчиво смотрит под ноги, безучастный ко всему и всем. Даже одет странно для этого места – Кэсс с удивлением видит джинсовую рубаху, ворот которой небрежно расстегнут.

Мужчина высок, а в его облике таится столько свирепой силы и властности, что против воли хочется пасть ниц. Но вот незнакомец поднимает голову... Линзы солнечных очков бликуют на солнце, заросшее щетиной скуластое лицо каменно безразлично.

– О, боже, нет! – стонет про себя стоящая на помосте, – только не снимай очки, не снимай!

Но он улыбается и с нарочитой медлительностью делает то, чего она так боится. Голубые жестокие глаза смотрят без всякого выражения. Девушке хочется кричать. Из зрачков незнакомца глядит ей в душу черная безмолвная бездна. От ужаса подгибаются ноги. Петля на шее затягивается еще туже, и вот больше нет возможности сделать вдох. Незнакомец смотрит на агонию жертвы и улыбается страшной улыбкой, которая затрагивает только губы, но совсем не касается глаз.

– Это можно прекратить. Пойдем со мной, – звучит в голове низкий, лишенный эмоций голос.

Бездна в голубых глазах затягивает, как омут, наполняет душу пустотой, словно по капле выпивает безмолвное сопротивление. И Кэсс, наконец, понимает – никто ее не спасет...

* * *

Она скатилась с кровати, рыдая от страха. Лицо незнакомца запомнилось до последней черточки: лишенный всякого выражения взгляд, пустая улыбка и поистине демоническое

совершенство нечеловеческих, но при этом очеловеченных черт. Как будто из-под одной оболочки проглядывала другая – дикая, страшная, не имеющая ничего общего с миром людей.

И хотя сон испарился в одно мгновение, горло по-прежнему сводило судорогой, словно невидимая петля еще стягивала шею. В голове набатом звучало страшное: «Пойдем со мной!».

Куда? Зачем? Почему она? Эти вопросы сопровождали едва ли не каждое ее пробуждение, но получить на них ответы по-прежнему не удавалось. Не было ответов и сегодня. Поэтому пришлось подняться на ноги и брести в ванную. Там, бесстрашно стоя под потоком ледяной воды, Кэсс ждала, когда холод выстудит из памяти горячечный ужас. Отличный способ борьбы со страхом, надо сказать! Если замерзаешь до состояния сосульки – всякие «мелочи» вроде жутких сновидений отступают сами собой. Вытирая голову полотенцем, девушка даже начала мурлыкать под нос какую-то бодрую песенку. Ну, вот и все. Нечего так трястись.

Увы. Ужас вновь стиснул горло, едва Кэсс откинула с лица мокрые волосы. Сердце подпрыгнуло к горлу... Из зеркала, тараща карие глаза, смотрело хорошо знакомое отражение: худенькая двадцатилетняя девушка в мятой фланелевой пижаме. Вроде бы ничего нового... вот только на шее багровел след от веревки.

Побелевшие пальцы стиснули края раковины. Не смотреть! Не думать! Это лишь отголосок кошмара.

Когда, набравшись смелости, Кэсс посмотрела в зеркало снова, то увидела привычную себя: с воспаленными от бессонницы глазами, осунувшуюся, затравленную, но, по крайней мере, без жуткой борозды на шее. Длинные мокрые волосы цвета переспелой клюквы, конечно, смотрелись фриковато, но ничего не поделаешь. Эксперименты со сменой имиджа не всегда бывают удачными.

– Ну и вид у тебя, баба Кася, – пробурчала девушка и отвернулась.

Через четверть часа из подъезда типовой пятиэтажки в липкий июльский зной мегаполиса вынырнула худышка в голубых джинсах, полосатой футболке и с пышной косой отчаянно-пламенного цвета. Она вытащила из сумки солнечные очки, включила плеер, привычно нацепила наушники и поспешила на автобусную остановку.

Все как обычно на протяжении последних двух лет. Меняется только одежда (в зависимости от погоды) и цвет волос (в целях разнообразия). Институт, работа, подработка, прогулка до дома, компьютер до поздней ночи, сон.

Четыре раза в неделю по вечерам Кэсс ездила на ипподром. Никакой романтики – всего-навсего уборка в стойлах да чистка лошадей, если доверят. Зато позволяли бесплатно кататься верхом!

Вторая работа была тоже ничего, но все-таки похуже – приходилось суетиться официанткой в местном кафе. Не то чтобы такой уж крошечный ад, но отдаться общепиту навек не хотелось. Впрочем, и здесь имелись свои плюсы. Например, удалось приобрести полезный навык быстро и незаметно пробираться через толпу, избегая лишних прикосновений, запоминать огромное количество информации и улыбаться, вне зависимости от настроения. Последним Кэсс особенно дорожила – в жизни частенько приходится улыбаться сквозь зубы, хотя она, если вдуматься, была счастливицей.

Во-первых, в октябре, когда она родилась и оказалась выброшена неизвестной матерью в мусорный контейнер, жалобный младенческий плач чудом услышал дворник. Во-вторых, после распределения в детдом одна из воспитательниц пожалела темноглазую, похожую на доверчивого щенка четырехлетнюю девочку и, в конце концов, договорившись с руководством, часто забирала ее к себе, а потом и вовсе оформила опеку.

Да, если бы не мама Валя – жизнь Кэсс вряд ли сложилась бы так удачно. А в итоге сирота воспитывалась в обычной, но, к сожалению, неполной семье, закончила с отличием школу, поступила в колледж, перевелась в институт на факультет лингвистики. И все было бы хорошо по сей день, если бы однажды метельным январским днем мама Валя не оставила дочь навсегда.

У Кэсс как будто отрубили половину души. Что-то безвозвратно нежное ушло в мерзлую землю вслед за мамой...

Во время похорон, коченея на ледяном ветру, вновь осиротевшая девушка ощущала лишь пустоту в душе, которую, как она понимала, теперь не заполнить. Хотелось плакать, но слезы не желали литься, стояли комком в горле, мешая дышать и говорить.

А спустя несколько недель после этого пришли кошмары. На первых порах они были неясными и оставляли после себя только легкую тревогу, но со временем все стало хуже. Светловолосый мужчина вторгся в сумбурные сновидения на исходе зимы.

...Грязная тесная улица чужого города. Мимо, словно тени, спешат безучастные люди. От постоянного мелькания лиц и спин рябит в глазах. Но вот один из идущих – высокий, светловолосый – замирает и оборачивается к растерянно застывшей посреди тротуара девушке. На спокойном лице незнакомца читается невольный интерес. Прохожий усмехается и медленно снимает солнцезащитные очки...

Кэсс проснулась, захлебываясь беззвучным криком, дрожащая и мокрая от пота. Никогда в жизни она не видела ничего ужаснее. Из прозрачных голубых глаз мужчины ей в душу смотрела бездна.

С этой ночи все пошло наперекосяк. Иногда реальность и сон переплетались: казалось, будто жутковатый незнакомец преследует свою жертву и в яви. Его силуэт мелькал в толпе, отражался в стеклах проезжающих автомобилей, маячил в темных подворотнях, а тень высокой плечистой фигуры кралась за Кэсс солнечными днями. Несчастливая то и дело оглядывалась через плечо, уверенная, что вот-вот увидит знакомое лицо и льдистые глаза, но натывалась только на недоумевающие взоры прохожих. Должно быть, со стороны она выглядела как параноик или жертва многодневной шпионской слежки – озирающаяся, задержанная. Но при этом кожей чувствовала: за ней наблюдают.

Однажды, стоя на автобусной остановке, девушка почувствовала чей-то пристальный взгляд. Стройный темноволосый мужчина в потоке пешеходов переходил дорогу. Прозрачные зеленые глаза посмотрели в упор. И таилось в них настолько нечеловеческое выражение, что захотелось раскричаться, срывая голос. Незнакомец удовлетворенно усмехнулся, подмигнул парализованной ужасом жертве и... растворился в толпе.

Да, Кассандра сходила с ума. И чтобы окончательно не соскользнуть в пропасть безумия, выработала свою систему борьбы с кошмаром: холодный душ и много работы. Выматываясь, она валилась на кровать и засыпала без сновидений.

А еще старалась убедить себя, что все происходящее – шутки подсознания. Выдумала себе личного демона. Почему демона? Да кто теперь разберет. Но, проштудировав Интернет, даже дала ему имя – Ам он. Властный демонический принц, командовавший, если верить историческим источникам, сорока легионами духов. Мистическое жестокое существо, в чьей власти открывать прошлое и будущее, повелевать огнем и подчинять даже самых непокорных.

Все эти характеристики как нельзя лучше подходили голубоглазому мужчине из снов. И вот ведь что странно – теперь, когда у кошмара появилось имя, мириться с ним отчего-то стало легче.

* * *

После памятного видения про виселицу удавалось отвлекаться изнуряющей работой и крепким сном целый месяц – почти до начала августа. Именно тогда Кэсс, впервые за долгое время, решила добраться до дома на метро. Она задержалась на работе – в кафешке был банкет, и пока припозднившиеся клиенты разошлись, уже стемнело. В итоге так набегалась, что не нашла в себе сил на пешую прогулку.

Спустившись на станцию подземки, девушка в изнеможении прислонилась спиной к колонне и прикрыла слипающиеся глаза, тщетно пытаясь подавить необоримую зевоту. Нудно и противно начинала болеть голова. Скорее бы до дома добраться.

Спать, спать, спать.

...Она спрыгивает с платформы, стараясь не упасть и не приземлиться на третий рельс. Ей нужно всего лишь подобрать с закопченных путей монетку и вскарабкаться обратно. Несмотря на предостерегающие крики, Кэсс бесстрашно наклоняется и понимает тускло мерцающий кругляш. Должно быть, со стороны она похожа на сумасшедшую – кидаться на верную смерть ради какой-то мелочи!

Из глубины черного туннеля уже приближается поезд, но Кэсс не слышит его, как не слышит и предостерегающих криков.

Она рассматривает монету. Та оказывается крупной и на удивление тяжелой, с неровными истертыми краями, но бесподобно отчеканенным силуэтом старинного города. Стройные башни, стрельчатые окна, разномастные крыши домов... Наверное, все эти подробности невозможно рассмотреть без лупы, однако чем дальше Кэсс вглядывается в диковинную чеканку, тем лучше видит. Изображение словно увеличивается в размерах, выплывает вперед. Уже можно рассмотреть зубчатые каменные стены, узкие щели бойниц, нескольких стражников у высоких ворот...

Ревет гудок. Поезд! Девушка лихорадочно сжимает в кулаке заветную монетку и кидается к платформе, но замирает с глупо протянутой вверх рукой и запрокинутым лицом. На уровне глаз оказываются темные ботинки на толстой грубой подошве. Не тянется спасительная ладонь, не слышатся ободряющие и тревожные крики.

Незнакомец, облаченный в потертые джинсы и серую футболку, стоит на краю платформы и смотрит вниз. Глаз не видно за темными линзами очков, но Кэсс узнает Амона и против воли отшатывается – к неминуемой смерти. Однако демон резко наклоняется, крылатая тень мелькает в холодном свете фонарей, и сильная рука сжимает запястье девушки. Обладательница диковинной монеты взмывает вверх, не успевая удивиться подхватившей ее свирепой силе. А за спиной уже грохочут вагоны тормозящего состава, и проносится душный ветер подземки.

Хочется кричать, но страх застывает в горле, и спасенная жертва только шепчет:

– Не снимай очки...

Однако яростные голубые глаза заклятого спасителя уже смотрят ей в душу, из зрачков глядит бездна. У Кэсс подкашиваются ноги. На жестоком лице Амона расцветает хищная улыбка, и девушка с ужасом видит Зверя. Неужели он спас ее, чтобы уничтожить? Она сжимает в потной ладони монету, понимая – ни вырваться, ни убежать, ни проснуться уже не сможет... На запястье смыкаются стальные пальцы.

– Почему ты спас меня? – одними губами шепчет Кэсс, не в силах больше мучиться неизвестностью.

Амон склоняется к ней. От него исходит такой неистовый жар, что у девушки начинает кружиться голова. Теплое дыхание щекочет висок, и Зверь отвечает:

– Потому что ты моя.

* * *

– Кассандра...

Официантка Ленка сидела за пустующим столиком и лениво болтала ножкой:

– Что за имя у тебя такое? Как у порнозвезды.

Ох, как Кэсс хотелось надеть на хорошенькую белокурую головку этой нахалки кастрюлю из-под гаспачо, да еще постучать сверху половником! Но вместо этого она тепло улыбнулась и ответила, насыпая в солонку соль:

– К счастью, навязшие на зубах имена, вроде «Лена», дают не всем. Так что завидуй молча. Или начинай сниматься в эротике – шансы стать Виолеттой, а то и Саломеей увеличатся многократно.

За стойкой заржал бармен Димка. Хорошо хоть посетителей еще нет. Да при посетителях и не до перепалки было бы.

Ленка надулась. Но на Кассандру ее обида не произвела никакого впечатления: обращать внимание на вьедливую сплетницу? Если вовремя ее не обрубить на полуслове – таких гадостей наслушаешься, что ой-ё-ёй. А так подуется-подуется, зато весь оставшийся день будет паинькой. Вплоть до следующего раза.

Напарница и впрямь присмирела, даже подлизываться начала.

– Ну, Кася, ну скучно же... – заныла она.

– А ты поработай, – этот совет канул в пустоту.

Лентяйка только сморщилась:

– Ну, Ка-а-а-ась... Ну расскажи...

Димка поддакнул:

– Правда, чего это так тебя назвали-то чудно? Кассандра – это ж, вроде, что-то из Библии?

Девушка хмыкнула:

– Вообще-то из греческой мифологии.

– Ну и? – не смутился парень.

– Что «ну и»? Ну и назвали меня так. А почему – не знаю.

Оба слушателя вздохнули, поняв, что развлекать их не будут. А Кэсс направилась расставлять солонки по столам. Ну не рассказывать же этим балбесам, что на самом деле в свидетельстве о рождении ее записали Александрой, но мама Валя – большая затейница – не хотела называть девочку мужским именем: в маленькой Санечке и так хватало пацанских замашек. Поэтому долгое время она звала ее просто «дочкой», а потом в одной из книг нашла миф о Кассандре (другая версия имени которой звучала, кстати, как Александра), а после еще и роман какой-то красивый прочла.

Поразмыслив, опекунша решила, что ее необыкновенной девочке сам бог велел носить необыкновенное имя, а тут еще так удачно нашелся подходящий «близнец» – и мистика тебе, и женственность, и значение. Так дочка стала Касей, а впоследствии Кэсс. Когда же пришло долгожданное совершеннолетие, девушка, недолго думая, решила придать домашнему прозвищу статус официального. Это стоило неоднократных походов в ЗАГС, написания заявлений и оплаты сколько-то рублевой госпошлины. В общем, мелочи в сравнении с тем, как плакала, растрогавшись, мама Валя. Ну как такое объяснишь кому-нибудь?

– Кась, – Ленка таки взялась за салфетки, – чего ты сегодня злая-то такая?

– Не выпалась, – отрезала напарница.

Кошмар про монету был первый за последние недели, и душа места не находила. Проклятый демон не давал покоя! Она вспомнила последние сказанные Амоном слова, и в сердце кольнула холодная игла. Всплыл в памяти страшный взгляд, никак не сочетающийся с вкрадчивой человеческой речью и теплым дыханием у ее виска. Похолодев, Кассандра поняла, что воспоминания балансируют на грани ужаса и наслаждения. Руки задрожали.

– Эй, ты чего? – удивленно спросила Ленка, глядя на катящуюся по полу солонку. – Хорошо хоть не разбилась.

Рассыпать соль – плохая примета... Господи, да куда уж хуже-то! Кэсс побрела в кладовку за веником.

* * *

Похоже, соль и впрямь рассыпалась не к добру. Кэсс едва доработала смену: мутило, лихорадило и корчило, словно злобный зверек пытался прогрызть плоть, чтобы вырваться наружу.

В квартиру девушка вошла уже на автопилоте. Захлопнула дверь и без сил рухнула на пол. Боль побеждала. Ах, мама Валя быстро набрала бы в шприц какой-нибудь но-шпы или анальгина и ввалила так, что полноги отнялось. Зато потом обняла бы, положила на живот теплую грелку и долго гладила по голове – пока боль не отступит, посрамленная совместными силами любви и фармацевтики. Но мамы больше не было. А сама себе Кэсс не сделала бы укол при всем желании – даже просто разогнуться и доковылять до кровати не могла.

Тянущие спазмы стали нестерпимыми.

– Помоги... Хоть ты помоги, сволочь бездушная... – всхлипнула девушка, сворачиваясь калачиком на полу прихожей.

Кого она просила сейчас о помощи? Вообще-то взывания к воображаемому демону – верная шизофрения. Но ведь и к собственному безумию можно привыкнуть. А уж если умолять о подмоге, так кого-то конкретного. Хотя... умереть бы уже, наконец, только не корчиться вот так – на старом линолеуме тесной малометражки.

Горячая рука легла на лоб, убирая с лица потные волосы. Исполненные муки карие глаза встретились с прозрачными голубыми.

Он смотрел изучающе, словно впервые видел физическое страдание. Кэсс всхлипнула, понимая, что помощи ждать бессмысленно, единственный бонус от его появления – умереть не в одиночестве, а под присмотром.

Новый приступ тянуще-рвущей боли скрутил девушку. Она закрыла глаза, готовясь кануть в вечность, но вместо этого куда-то поплыла.

Мелькнул хорошо изученный потолок, обклеенный дешевыми пенопластовыми плитками, скрипнула распахнутая небрежным пинком дверь в комнату, мягко хрустнул диван. Кэсс сжалась в комок, но сильные руки, легли на плечи и заставили выпрямиться.

Она снова заплакала. Зачем он ее мучает? Девушка инстинктивно хотела подтянуть колени к груди, чтобы облегчить боль, но получила хлесткий удар по голени и вытянулась, как солдат. Новый спазм затмил собой все предшествующие. С ужасом Кассандра осознала, что из ее тела рвется нечто свирепое и бесплотное. Сейчас ее всю разорвет в клочки. Она опять попыталась съежиться, чтобы притупить страдание, и снова получила отрезвляющий удар. На этот раз по бедрам. Закричала, но сильная ладонь зажала рот, заставляя подавиться воплем.

Амон не произносил ни слова. Ничего не говорил, не успокаивал, не угрожал. Тишину нарушала только жалкая возня страдающей жертвы. Тело билось на диване, не желая смириться с противоестественной для его нынешнего состояния расслабленной позой.

Ничего не выражающее лицо склонилось над Кэсс. Демон поймал ее безумный взгляд, и девушка затихла. С бездной она могла бороться еще меньше, чем с ним. Казалось, ее боль пьют через соломинку – медленно, вдумчиво. Кровь грохотала в висках, воздуха не хватало, руки демона казались каменно тяжелыми, а глаза, в которых бушевала непроглядная тьма, совсем утратили сходство с человеческими.

И вдруг боль исчезла. Полностью. От внезапно нахлынувшей пустоты у Кассандры закружилась голова, а тело будто налилось свинцом.

– Теперь все, – спокойно сказал Амон. И это были первые его слова с тех пор, как он появился в ее квартире, – спи.

Ей бы дуре обрадоваться и уснуть с облегчением, но она поймала его за запястье и посмотрела с мольбой в голубые глаза:

– Ты не уйдешь?

Он уже собирался подняться на ноги, но в последний миг замер. Посмотрел по-прежнему без сочувствия, но во взгляде мелькнуло нечто похожее на удивление. Первое человеческое чувство в нечеловеческих глазах.

– А ты этого хочешь?

Девушка кивнула, все еще удерживая мужчину за руку. Он мягко, но настойчиво высвободился.

– Не уйду. Спи.

Кэсс смотрела на Амона с продавленного старенького дивана, и сердце обмирало. Привычная квартира, казалось, стала меньше по площади, даже мебель словно ссутулилась – такой он был мощный, плечистый и как-то очень заполняющий собой пространство.

Демон сидел, склонив светловолосую голову; руки, сжатые в замок, лежали на коленях, плечи расслабленно опущены, но отчего-то казалось, что сейчас в нем бушевала невидимая глазу сила, будто через человеческую оболочку рвался Зверь, выл и бился, но не мог найти выхода. На правом виске отчаянно пульсировала жилка. Это делало его почти обыкновенным.

Кассандра снова коснулась широкого запястья. Этот сон перестал быть страшным, и сейчас девушка не боялась. Хотелось прикоснуться к нему, своему давнему ужасу, ощутить его человеком, утратить последний трепет. Он вдруг ответил на прикосновение. Их пальцы переплелись, и необъяснимая истома разлилась по телу. Будто все те ночи, когда Кэсс мучилась бессонницей, разом навалились и смяли сознание.

«Как это смешно – уснуть во сне», – подумала девушка и провалилась в сладкую темноту. Только кончики пальцев, которыми она касалась Амона, пылали радостным теплом, как будто согретые над огнем. Наверное, он и был огнем...

Когда Кэсс проснулась, в окно светило грустное октябрьское солнце – дарило иллюзию тепла. Но тепло это, увы, не имело ничего общего с тем, что еще грело кончики ее пальцев.

Конечно, сон был сладок и, конечно, Амона рядом не оказалось. Горло отчего-то стиснула судорога, и Кассандра по-детски всхлипнула, первый раз в жизни подумав о том, что просто не хочет больше жить.

...В кафе было малоллюдно. Сидела сонная парочка, вяло пьющая кофе, да скучала без дела Ленка. Завидев напарницу, она оживилась и тут же затараторила:

– Вау, мать, ты чего какая зеленая? В гроб и то краше кладут. А ну, рассказывай!

По-хорошему следовало бы свести все к шутке, но так хотелось поговорить о человеке-демоне из снов, что Кэсс впервые сдалась. Хотя, в общем-то, не тот человек Ленка, перед кем стоило изливаться. Однако Кассандра и так слишком долго молчала, а сейчас еще и сожалела об исчезнувшем пламени... в общем, эмоции возобладали над здравым смыслом.

Устроившись в самом дальнем углу зала за одним из столиков, девушка в общих чертах поведала о демоне, о кошмарах, и особенно вчерашнем странном сне.

– Я псих, – попытожила она и выжидающе посмотрела на разинувшую рот напарницу.

Та закатила глаза:

– Хочешь совет, Кась?

– Давай, – Кассандра даже подалась вперед, ожидая чего-то стоящего.

– Ты этому красавцу либо отдайся, либо заведи уже себе реального мужика, – доверительно сказала «подруга», – а то уж возраст у тебя, знаешь... для таких снов неподходящий. Хочешь, я с Димкой договорюсь? Он давно на твою попу пялится. Закроетесь в кладовке и...

Она засмеялась.

А Кассандра, не утруждая себя гневными речами, опрокинула недопитую чашку кофе на противную белобрысую голову. Ленка взвилась, захлебнулась эмоциями, стекающим по волосам напитком и топнула ногой:

– Дура сумасшедшая!

– Хабалка!

– Да ты...

И быть бы драке, но чей-то пристальный взгляд обжег спину. Кончики пальцев вспыхнули, словно вновь прикоснулись к пламени. Кэсс обернулась, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. На нее смотрели прозрачные голубые глаза со звериным блеском в глубине зрачков.

– Я хотел попросить кофе, – сказал Амон задумчиво и добавил: – Но теперь сомневаюсь – стоит ли?

Ленка окинула посетителя оценивающим взглядом, мигом приосанилась, звонко рассмеялась и ответила, что вылитый на голову кофе – услуга, оплачиваемая отдельно, в соответствии с прейскурантом... стоит недешево. Потом завершила, что кофе, который он закажет, попадет непременно в чашку, однако, увы, нальет его не она, а вот эта в высшей степени профессиональная барышня... когда перестанет глупо тарашиться.

Мужчина даже не посмотрел на Кассандру. Ни когда она на деревянных ногах поспешила за кофейником, ни когда наполняла чашку горячим крепким напитком.

Казалось, посетитель всецело поглощен Ленкой. Похоже, он и кофе-то заказал, только чтобы скоротать время, пока эта смазливая вертихвостка переодевается и обтирает белобрысые патлы салфетками.

Как такое произошло?

Кэсс совсем не умела флиртовать – мешала излишняя прямолинейность, а может, врожденная застенчивость. Зато блондинистая Ленка строила глазки виртуозно. Кассандра слушала ее, смотрела на мужчину и чувствовала, как замедляется время. Все стало на свои места. Незнакомец что-то отвечал кокетливой вертихвостке, пару раз даже улыбнулся, а потом предложил отвезти домой переодеться и, конечно, клятвенно пообещал вернуть на рабочее место.

Тем временем незамеченная им вторая официантка стояла со своим кофейником как пригвожденная. За бесконечно долгие десять минут, что мужчина находился в кафе, страшное понимание медленно убивало девушку: ее ночной кошмар – всего лишь клиент заведения, а нездоровое воображение перенесло его образ в сны, создало видимость мистического ужаса, дало имя. Она сошла с ума. Никаких сомнений в этом больше нет.

Увлеченная разговором и друг другом парочка направилась к выходу, Ленка бросила на застывшую напарницу полный торжества взгляд. Та зачем-то помахала в ответ деревянной рукой. Хлопнула входная дверь.

Спустя пять минут Кассандра написала заявление об уходе, молча вручила удивленному администратору бумажку с подписью и свой фартук. Она не хотела ни с кем разговаривать, ничего объяснять, выслушивать уговоры, доводы или гневные отповеди. Димка из-за своей стойки смотрел круглыми глазами, порывался что-то сказать, но она проигнорировала его и вышла, застегивая на ходу куртку. В голове прочно засело решение все закончить. Все.

Лица прохожих казались размытыми, нечеткими, серыми. И небо было тяжелым, свинцовым. Воздух превратился в вязкую муть, словно город погрузился на дно грязной лужи. Даже кричащая реклама больше не кричала, а невзрачно бледнела сквозь пелену октябрьской мороси.

У Кэсс не осталось сожаления. Все это – серое, мутное, грязное, ненастоящее – покинуть не жаль. Да и есть ли вообще этот город, дома, голые мокрые деревья? Может, все это, включая ее странную жизнь, лишь бред одинокой душевнобольной? Может, в действительности она сидит в палате для буйно помешанных, бормочет невнятицу и дергает себя за волосы? Или ее кошмары ожили? Или она заснула и больше не сможет проснуться, так и останется блуждать в лабиринте собственного подсознания?

Серый город, серое небо, серые люди, серое метро, серые улицы, серый подъезд и ее пустая серая квартира маячили где-то на периферии сознания. Не разуваясь, девушка прошла в ванную и устала в зеркало. На долю секунды почудилось, что за спиной стоит Амон. Кэсс

обернулась, но, разумеется, никого не увидела. Она словно наблюдала за собой со стороны, но при этом глазами двух абсолютно разных людей.

Каркающий хохот нарушил тишину квартиры. Пальцы стиснули края раковины, голова склонилась вниз, а тело затряслось от неуправляемого безумного веселья. Кассандра хватала ртом воздух, но не могла остановиться, припадок оборвался лишь после случайного взгляда в зеркало. Оттуда смотрело существо, по мертвенно-белому лицу которого ползли мокрые дорожки слез. Синюшные губы кривились в дикой улыбке.

Загнанная в ловушку собственного ужаса жертва повалилась на пол и завывала:

– Я не могу та-а-ак... Я не могу-у-у!..

Что о ней думали соседи, девушку не волновало. Постепенно сил выть не осталось. Кэсс упала в ступор. Смотрела на мокрые от слез колени, в которые чуть не час тыкалась лицом, и обдумывала финал. Веревка? Негде закрепить. Таблетки? В аптечке только анальгин и зеленка. Прыжок? Страшно. Лезвие? Хм.

Она поднялась и направилась на кухню. Долго и усердно точила об брусок нож для резки овощей (ну не безопасной же бритвой пилить собственные руки?). Проверила пальцем на остроту и удовлетворенно слизнула выступившую каплю крови. Теперь отлично.

Где? Конечно, в ванной.

Как назло вентиль, открывающий горячую воду, повернулся вхолостую, кран поплевался, пофыркал, но в раковину упало лишь несколько ржавых капель. Отключили. Ну да, на двери подъезда висело объявление – что-то про ремонтные работы... Ладно.

Кассандра снова села на пол и сделала глубокий вдох, собирая в кулак всю свою невеликую отвагу. У нее никого не было роднее мамы. Она умерла. У нее никого не было в этом мире ближе демона. Но его не существовало. Однако рука, державшая нож, дрожала, будто оставалось нечто, удерживающее Кэсс среди живых.

* * *

Она стоит на просторной крыше гигантского небоскреба рядом с Ленкой. Та глядит с искренним сочувствием, даже уголки губ страдальчески опущены. Кажется, в мире, кроме них двоих, не осталось больше никого. Девушка боязливо смотрит вниз. От страха потеют ладони – не видно города внизу, все окутывает клубящийся черный туман.

– Прыгнем вместе? – вдруг предлагает напарница и протягивает руку.

Подчиняясь чужой воле, Кэсс двигается вперед. Идти не хочется. Как будто не она всего несколько минут назад мечтала о покое и забвении! Внутри бьется и кричит от ужаса что-то очень-очень важное, какая-то не обезумевшая еще часть сознания: «Жить! Жить!!!» Она вдавликает этот крик вглубь души, делая совсем неслышным.

– Давай, – соглашается Кассандра и берет Ленкину руку в свою.

Время останавливается. Последний шаг. Всего один. Его проще сделать, когда рядом есть кто-то, готовый разделить ужас падения и восторг исчезновения. Но позади возникает высокая фигура, и на крыше будто становится меньше места. А Ленка, предательница, тут же вырывает ладонь из холодных пальцев единомышленницы, льнет к мужчине. Прячет лицо в твердое плечо и замирает, блаженствуя. Амон берет белокурую голову кокетки в ладони – сейчас поцелует...

Кассандра хочет зажмуриться (боль, что он снова выбрал не ее, мешает дышать), но демон бросает поверх светловолосой девичьей макушки пронзительный взгляд на свою жертву, и у той холодеет в груди.

Мужчина улыбается и, не отводя глаз, резко сталкивает доверчиво ждущую поцелуя Ленку в клубящуюся мглу. В лице его ничего не меняется. Все с той же холодной улыбкой он

смотрит на другую свою жертву, а в зрачках клубится та самая тьма, которая поглотила беззвучно рухнувшую с крыши девушку.

Амон делает шаг вперед. Кассандра смотрит, не отводя глаз.

«Беги! Беги! Беги!!!» – надрывается все тот же голос, который минуту назад требовал жить.

Словно услышав эти мятежные мысли, палач бросается к своей жертве. Неужели человек может двигаться с подобной скоростью? Хотя какой он человек...

Страшно... Невыразимо страшно! Поэтому Кэсс отпрыгивает в сторону и, зажмурившись, делает шаг с крыши. Ледяной ветер ударяет в лицо, она раскидывает руки ему навстречу, словно надеясь не упасть, а взлететь.

Но где-то наверху слышится яростный звериный рык, и в ту же секунду девичье тело оказывается безжалостно схвачено.

– Хочешь умереть? – шипит мучитель. – Я тебе помогу.

* * *

Ужас стиснул горло. Самоубийца очнулась. По левому запястью одна за другой бежали тяжелые вязкие капли.

Девушка тупо глядела на окровавленную одежду и пол. Бешено колотилось сердце. Сколько бы еще она так просидела – неизвестно, но тут резко задребезжал дверной звонок.

Рука скользнула по кафелю, затылок встретился с бортиком ванной. Шипя от боли и злости, хозяйка квартиры поднялась на ноги и побрела к двери.

На пороге стояла Ленка с сострадательной миной на лице – чистая, переодевшаяся и... виноватая.

– Кась, ребята сказали, ты заявление написала, и я... вот... в общем... Ну, прости меня, ляпнула сдуру. Ты ж знаешь – я такая. Чего уж сразу увольняться-то? – и она повисла на створке, пытаясь вдавить ее внутрь и прорваться в квартиру.

– Лен, я не обиделась, – слабым голосом начала успокаивать ее напарница. – Просто надоело все. Ты на свой счет не принимай...

Приятельница кивала, но продолжала отчаянный натиск. Кассандра же упрямо старалась удержать позицию. Однако едва взгляд гостьи упал на окровавленное запястье, нажим на створку усилился, и Ленка буквально ввалилась в квартиру.

– Ты что – сдурела?! – закудахтала она, хватая подругу за ладонь. – Ты вены, что ли резала?

Вены? Кэсс только сейчас осмысленно посмотрела на изувеченную руку, а поскольку адреналин уже схлынул, от одного вида безобразного пореза сделалось дурно. Незадачливая самоубийца начала медленно оседать вдоль стены. Сквозь туманную круговерть она услышала грохот, словно кто-то со всей дури распахнул входную дверь. Ленка что-то кричала, а потом все кануло в темноту.

Густая пелена рассеялась сразу же, как только на руку щедро плеснули чем-то, безусловно, исцеляющим, обеззараживающим и щиплющим. Счастливо спасенная жертва суицида неблагодарно зашипела.

Странно, что верещащую о «скорой» Ленку слышно откуда-то издалека. Тогда кто же обрабатывает рану? Кассандра с трудом повернула тяжелую после обморока голову. На нее смотрел Зверь. Желтые глаза, узкие вертикальные зрачки, хищная искра в глубине. Рот сам собой распахнулся для крика, но звериный взгляд стремительно сделался человеческим – голубым и пронзительным. Девушку затрясло. Она вырвала руку, не заботясь, что на рану еще не наложен бинт, и забилась в угол дивана, на котором, оказывается, лежала.

– Лен, у подруги твоей истерика, – констатировал мужчина, – посмотри, на кухне водки нет? Ну, или другого чего-нибудь. Да хватит вопить! Порезался человек, бывает.

– Да? – Ленка с мокрой половой тряпкой в руках выглянула из коридора, – Андрей, *случайно* запястье не режут! Ее в больницу надо, глаза же бешеные!

– Проверь, есть ли в холодильнике водка.

Он не повысил голоса, даже не взглянул на обеспокоенную спутницу, но та, обычно до крайности строптивая, послушно развернулась и ушла на кухню.

Дрожащая Кэсс что было сил оттолкнула склонившегося к ней мужчину. Он отшатнулся, а девушка, пользуясь секундным замешательством, вскочила на неверные ноги.

– Не подходи!!! – заорала она, схватила с журнального столика тяжелую вазу с сухоцветами и замахнулась.

Андрей спокойно наблюдал. И хотя он сидел на диване, а хозяйка квартиры стояла перед ним в полный рост, глаза их находились почти на одном уровне. Девушку колотило от бешенства, а незваный гость будто наслаждался ее страхом.

О, сейчас Кассандра согласилась бы на любую больницу и палату, лишь бы подальше от этого существа. Все кошмары всплыли в памяти, мыслить здраво больше не получалось – первобытный ужас бился и визжал, требуя немедленно спастись.

Килограммы хрустала обрушились в пустоту – только что сидевший на диване мужчина вдруг оказался рядом, перехватил руку своей жертвы и больно стиснул. Девушка разжала пальцы. Ваза выпала, но даже не успела долететь до пола. Как все это случилось, Кэсс не поняла. Вроде только что она стояла над Андреем – и вот уже корчится с вывернутой рукой, а ваза снова чинно стоит на журнальном столе. И лишь сухоцветы на полу означают – не примерещилось.

Сильные руки толкнули Кассандру обратно на диван, и она кулем повалилась туда, откуда героически вырвалась несколько секунд назад. Мужчина снова сел рядом и протянул ладонь, требуя израненную руку для перевязки. В его лице не было ни угрозы, ни гнева – каменное спокойствие и уверенность, что жертва подчинится.

Но та вместо этого задргала ногами и завопила, как в припадке. Она хотела проснуться и в то же самое время понимала – этого не произойдет. Кошмар стал явью.

Крик оборвала хлесткая пощечина. Одновременно с этим в комнату ворвалась Ленка с дергающимся лицом и стопкой водки в руке. Она не успела увидеть ничего из случившегося, только услышала безумные вопли подруги, а потом звук оплеухи.

– Пей, – спокойно приказал Андрей.

Еще оглушенная тяжелой затрещиной, Кассандра автоматически опрокинула содержимое рюмки в рот и сползла на пол.

– Послушай. Успокойся, – Андрей встряхнул девушку за плечи. – Я подвозил твою подругу, а когда мы вернулись, ее попросили проведать тебя, и раз уж я взялся сегодня творить добро, то решил доставить ее по адресу. Понимаешь?

– Андрюш, давай вызовем «скорую», ну, пожалуйста... – простонала вышеозначенная «подруга». – Посмотри, у нее же припадок.

Кэсс побелела, мужчина замер и тихо сказал:

– Успокойтесь обе. Сейчас мы поьем чаю, и вас отпустит. Ты приготовишь? – он с улыбкой повернулся к своей спутнице.

И снова Ленка беспрекословно подчинилась, ушла на кухню греметь чашками. Едва она покинула комнату, улыбка слетела с лица Андрея, и он навис над Кассандрой:

– Она права? Ты осмелилась на самоубийство?

Горло снова стиснул ледяной обруч, но девушка заставила себя посмотреть в пристально изучающие ее голубые глаза:

– Не твое дело. Уходи.

- Ты осмелилась на самоубийство? – в голосе послышался нарастающий гнев.
– Пошел вон! – закричала Кассандра.

Он не демон. Просто спортивный малый с хорошей реакцией, самоуверенный и наглый, внешне похожий на ее ночной кошмар. А все остальное вызвано ее расшатавшимися нервами, болью, снами и потерей крови. Но он обычный человек, и, выгнав его, можно будет все обдумать и решить, как жить дальше.

Мужчина замер, а потом, наклонившись к своей жертве, тихо сказал:

– Сейчас ты перестанешь истерить и пойдешь пить чай. Ты будешь спокойна и гостеприимна, иначе я уже наяву и с большим наслаждением вышвырну твою подружку из окна. Поняла?

Сглотнуть засевший в горле ком у Кэсс не получилось. Она закашлялась и растерянно огляделась, словно ища, за что бы ухватиться медленно плавящемуся рассудку. Та же квартира. Те же обои. Все то же самое – родное и привычное. Но на расстоянии вытянутой руки – человек с бездной в глазах. Как он смеет здесь распоряжаться, угрожать, распускать руки? Кассандра не предполагала, что способна так разъяриться. Она притянула склонившегося к ней демона еще ближе.

– Да ты никак надеешься меня испугать... Думаешь, ты такой страшный? Я отлично помню свой сон. Помню, как ты ринулся за мной, как подхватил. Ты *очень* боялся меня потерять, – она опасно улыбнулась. – Я даже поняла, что у меня есть нечто такое, что тебе крайне необходимо и чего не сможет дать никто другой.

Желваки на его скулах обозначились резче, во взгляде снова разгорелось бешенство. Мужчина резко подался вперед. Но Кэсс не отступила, хотя сердце билось так, что, казалось, вот-вот проломит грудную клетку. Девушка загнала страх поглубже и с нежной улыбкой вложила порезанную руку в пылающую жесткую ладонь.

– Перевязывай, заботливый мой.

Голубые глаза вспыхнули. Из глубины вертикальных зрачков ринулся Зверь, вытесняя все то небольшое и хотя бы относительно человеческое, что было в том, кто называл себя Андреем. Кассандра забыла дышать. Хищник рвался в мир людей, когтями срывая с себя остатки человеческой плоти. Ни борьбы, ни попыток удержать Зверя, он был полностью в своем праве.

– Ребята, у меня все готово, – позвала Ленка.

Только это будничное вмешательство и спасло Кэсс. Рассвирепевший Зверь, уже готовый к последнему прыжку, отступил и снова канул в бездну. Мужчина невозмутимо закончил перевязку, помог девушке встать на подгибающиеся ноги и вслед за ней пошел на кухню.

И снова Кассандра словно разделилась надвое. Одна спокойно пила чай, немногословно отвечая на Ленкины вопросы и пресекая все ее попытки заговорить о врачебной помощи, а другая судорожно размышляла.

«Все происходит слишком быстро, – подумала девушка, беря кружку с чаем. – Нужно отдышаться и понять, что со мной такое. Это очередной сон или все-таки явь? Мне обязательно нужно поразмыслить, но именно это он и не позволяет сделать».

– Как здесь мило, – усмехнулся Андрей, окидывая взглядом васильковые занавески и развешанные по стенам картинки забавных котов.

Хозяйка новым взглядом оглядела простенькую кухню: угловой диванчик, обитый дерматином, стол с бамбуковыми циновками, голубой чайник на плите, – и вдруг возненавидела этот уют. Не радовали ни веселые желтые обои, ни рисованные коты. Хотелось все расшвырять, чтобы вместо порядка и чистоты на кухне воцарился хаос. Но тут она поймала взгляд демона и поняла – именно этого он и добивается.

Кэсс поднялась из-за стола, поблагодарила, давая гостям понять, что больше в опеке не нуждается.

– Хорошо, – кивнула Ленка, глядя на нее не совсем с доверием, но без настороженности. – Пойдем, Андрей?

– Уходишь ты, – холодно ответил мужчина.

И упрямая блондинка тут же послушно выпорхнула в прихожую, торопливо оделась, повозилась с замком... Вот хлопнула входная дверь, по ступенькам застучали каблучки.

Заледеневшая Кэсс осталась с чужаком наедине. Если он сейчас не уйдет, она сломается.

– Андрей, мы не знакомы, я не хочу, чтобы ты оставался, – хотела жестко отчеканить, но слова прозвучали жалко и неубедительно. – Не заставляй тебя выгонять.

– Хотел бы я на это посмотреть, – тихо проговорил он, но поднялся.

Высокий, весь в черном – от джинсов до кожаного пиджака, а глаза прозрачно-голубые. Красивые. Если бы не бездна, затаившаяся в глубине зрачков – почти человеческие. Льняные волосы убраны назад, но одна прядь постоянно выбивается и падает на высокий лоб. Он был бы красивым, если бы был человеком.

Кассандра дрожащими руками открыла дверь:

– Прощай.

– Так уверена, что мы больше не увидимся? – усмехнулся он.

– Высказываю желание.

Ее голос не трясся – она старалась. Хотя толку-то? Все равно он чувствует ее страх, наслаждается им.

Девушка чудом сдерживалась, чтобы не дрожать под пустым нечеловеческим взглядом. Демон вернется, понимала она, и продолжит мучить ее во сне. А он понимал, что она понимает, и улыбался. Он был очень улыбочивым. И потому от него хотелось бежать, захлебываясь ужасом и криком.

Он все-таки перешагнул через порог, но вдруг остановился.

– Мне будет очень приятно дотронуться до тебя... когда придет время, Кэсс, – сказал мужчина задумчиво. – К тебе вообще приятно прикасаться. До скорой встречи... завтра.

– Я тебя не впущу.

– Я войду сам.

– Андрей, зачем я тебе?

Уголки его губ слегка дрогнули. Светловолосая голова склонилась, горячее дыхание коснулось виска собеседницы:

– Ты же дала мне другое имя. Как ты называешь меня, когда спишь, когда бодрствуешь и когда... – он сделал паузу, – мечтаешь обо мне?

Кассандра слушала вкрадчивый шепот, и голова у нее кружилась. Он не был человеком, но человеческие эмоции мог изображать в совершенстве. Все вокруг казалось каким-то ненастоящим, кроме этого шепота и щекочущего висок горячего дыхания Зверя.

– Я не мечтаю о тебе! – она отпрянула, уцепившись для верности за дверной косяк.

Он выпрямился и сказал:

– Может, и нет. Но имя. Мое имя. Назови его, – и снова склонившись, шепнул: – Я хочу узнать, угадала ли ты. Смогла ли понять меня, понять, *что* я такое?

– Ты демон, – выдохнула Кэсс.

– Верно. А мое имя? Ну же!

– Амон. Ты Амон!

Ставшие вмиг желтыми глаза полыхнули торжеством, он отступил от двери, и девушка, растеряв остатки смелости, с грохотом ее захлопнула.

* * *

Проснулась Кассандра, словно ее толкнули. Электронные часы на журнальном столике показывали 00:00. Старый тополь за окном качался под ветром и размахивал ветками, из-за чего темная спальня наполнялась движением теней.

– Наступило завтра, – она нарочно сказала это вслух – хотелось рассеять атмосферу одиночества.

Но одиночество и не подумало рассеиваться. Пришлось сесть на диване и зябко обхватить руками плечи. Почему так пусто? Вроде бы все есть – работа, учеба, квартира... Отчего же постоянно кажется, будто что-то не так?

Девушка поднялась и направилась в ванную. На стиральной машине все еще лежал нож. И блестел маняще, обещал избавление. Только протяни руку и... нет. Нужно жить.

Она повернула вентиль горячей воды, с опозданием вспомнила, что ее нет, и тоскливо вздохнула. Ну, хоть холодной быстренько окатиться. Ледяные струи обрушились на макушку, обожгли кожу. Девушка пискнула и заплясала в студеной воде, осознав всю опрометчивость своего поступка. Полотенце! Теплое! Мягкое!

Кэсс отдернула целлофановую штору – и застыла с нелепо тянущейся к пустой вешалке рукой, с мокрыми волосами, облепившими тело почти до поясницы, покрытая мурашками и ледяными каплями. Амон стоял напротив и смотрел с интересом.

– Замерзла? – низкий ровный голос.

И все же в пустом взгляде промелькнуло какое-то выражение, какое-то чувство, которое девушка не успела истолковать. Да и не до толкований было! Она залилась густой краской и рванула занавеску обратно. Из своего укрытия Кассандра услышала короткий смешок.

– Как... как... – пролепетала она, в смятении озираясь.

Чем прикрыться? Ну не мокрой же клеенкой, которая единственная сейчас отгораживала ее от демона?!

– Не задумываешься, как я вышел из сна в реальный мир, но при этом недоумеваешь, как попал в убогую квартирку с хлипкой дверью, – насмешливо сказал он. – Завтра настало. Я вернулся.

Занавеска медленно поползла в сторону. Кэсс в ужасе вцепилась в край, не позволяя отдернуть ее совсем, и при этом с ужасом понимая, что данная попытка сохранить приватность до крайности смешна. Да разве остановит его какой-то целлофан?

Однако в образовавшийся проем просунулась рука с полотенцем, которое девушка поспешно схватила, пока Амон не растерял остатки благодушия.

Жгучий стыд разогнал кровь по жилам. Кассандра заворачивалась в полотенце и злилась – нарочно, что ли, подал самое узкое? Ведь висело же на двери широкое банное! Кое-как спрятавшись за полоской тонкой махровой ткани, девушка решительно отдернула клеенку.

Как вылезти-то, господи?! Надо перешагнуть через бортик, а на ней это посмешище. Несчастная застыла. А ночной гость стоял недвижимо и наслаждался ее смятением. Он словно занимал все свободное пространство без того тесной ванной и забирал себе воздух, которым дышала девушка.

Смелость и злость даже не думали приходить на помощь Кэсс. Сердце предательски ушло в пятки. Перед ней был Зверь. Огромный, сильный, жестокий. Она не боялась умереть, но боялась Амона. Почему? Что же такое, что дороже жизни, ему по силам у нее отобрать? Беспомощная жертва стояла, тяжело дыша, и тщетно боролась со страхом.

– Мне... надо выйти, – кое-как выговорила она, надеясь, что он поймет намек и покинет крохотный пяточок свободного пространства перед ванной.

Снова стало зябко. Короткое полотенце прилипло к телу, кожа покрылась мурашками. К тому же совсем не хотелось стоять беззащитной под пронзительным взглядом насмешливых глаз.

– Я не мешаю.

Он не спеша приблизился и провел горячей ладонью по влажному плечу, сдвигая мокрую прядь огненных волос. Кэсс окаменела. Демон задумчиво смотрел на ее напряженную шею и прерывисто вздымающуюся грудь, облепленную влажным полотенцем. Кончики пальцев, будто хранящие тепло огня, дотронулись до жилки на шее, скользнули вниз, к впадинке между ключицами. Кассандра вздрогнула, а улыбка мужчины стала чуть шире. Он забавлялся ее дрожью! Горячие пальцы медленно, очень медленно опустились и соприкоснулись с краем полотенца, мягко сдвигая его в сторону.

Девушку заколотило. Он не раздевал и не ласкал, скорее, изучал, но сердце почему-то сумасшедше билось, изнутри поднималось тепло. Казалось, будто вся кровь прилила к лицу. Полотенце медленно поползло вниз, и Кассандра поспешно прижала его руками к телу, однако вырваться и сейчас не осмелилась. Амон, как пламя – то затаится, то вспыхнет, и предсказать, как он поступит через мгновение, было невозможно. Поэтому она предпочитала стоять, не шелохнувшись.

Но тепло исходившее из его рук, согревающее, ласковое...

– Разве зло может согревать? – тихо, словно спрашивая саму себя, прошептала Кэсс.

Демон, услышал и озадаченно повел бровью, после чего сжалился, наконец:

– Одевайся.

И вышел, не до конца прикрыв дверь. Девушка кожей чувствовала его присутствие. Пospешно одеваясь, она забыла, что на стиральной машине все еще лежит злосчастный нож, и, натягивая халат, нечаянно задела его. Рукоятка звонко ударилась о кафель. Дверь тотчас запахнулась, Амон возник на пороге, перегородив выход. Кассандра увидела, как застыло спокойное лицо при взгляде на тускло мерцающий клинок. Он смотрел, и глаза словно сковывал иней.

– Если ты еще раз посмеешь... – начал мужчина, но Кассандра перебила.

– Захочу умереть, не остановишь, – сказала она твердо.

– Остановлю, – в его голосе звучала такая незыблемая уверенность, что девушка взбесилась.

Уж чем-чем, а своей смертью она вольна распоряжаться!

– Не сможешь!

Недобрый взгляд хлестнул по нервам.

– Я могу с тобой делать все, что захочу. Запомни, – и он так красноречиво посмотрел в глубокий ворот халата, что ладонь сама собой взметнулась для пощечины.

Зря. Смиренная покорность была эффективнее.

Стальные пальцы сомкнулись на запястье. Еле уловимое движение, и рука оказалась неестественно вывернута.

– Я быстрее тебя, сильнее и, чего уж там, умнее, – ледяным голосом сообщил Амон, без труда удерживая жертву, – поэтому именно я буду решать, когда тебе умирать.

В этот самый миг Кэсс поняла, что как раз теперь демон всерьез намерен принять решение, для нее не совместимое с жизнью, и обреченно рванулась. Раздался отвратительный хруст. Белая как полотно, девушка стала оседать, хватая ртом воздух. В голове помутилось от боли. Вскинув страдальческий взгляд на своего мучителя, Кассандра заметила, как в хищных глазах промелькнуло нечто, что она из-за подкатывающей дурноты приняла за испуг.

Конечно, это воображение – существа вроде Амона не умеют бояться и переживать. Однако же он подхватил ее на руки и с досадой выругался, словно только теперь понял, с каким хрупким и хлопотным материалом имеет дело.

– Неужели мои прикосновения настолько противны? – прошипел демон. – Ведь ты не так давно сама звала меня и просила не оставлять!

Из глаз девушки потекли слезы. Он и вправду ее не понимал. А она не понимала его. Да и как? В нем господствует нечто, идущее вразрез с человеческими представлениями о самосохранении. В нем живет огонь: свирепое пламя и ласковое тепло. Вот он опустил ее на диван, но по лицу ходят жуткие тени.

– Ты... ты страшный, – простонала Кэсс, глядя во тьму, беснующуюся в его взоре.

– Я? – он склонился ниже, – а если покажусь настоящий?

И тут же отступил на несколько шагов, выпрямился и небрежно повел плечами. В этом простом движении было столько силы, что у распростертой на диване жертвы перехватило дыхание.

За спиной демона развернулись два огромных, словно сотканных из дыма и рдеющего пламени крыла, кожа стала антрацитово-черной, на лице проступили переплетенные багровые узоры. Даже волосы потемнели и тяжелой волной заструились по плечам. Амон сделался еще выше ростом, еще мощнее. Длинные пальцы заканчивались теперь звериными когтями, глаза полыхали желтым огнем, вертикальные кошачьи зрачки пульсировали в такт трепету крыльев.

Монстр шагнул к сжавшейся в комок девушке и усмехнулся, обнажив белые хищные зубы.

– Сейчас я не так страшен? – Зверь вырвался из клетки.

В человеческом голосе прорывался низкий утробный рык, в движениях – хищная вкрадчивость. Кассандра напрасно призывала обморок. Боль в вывернутой руке сводила на нет и страх, и ужас, и дурноту. Боль заставляла плакать молча, и смотреть на мистическое чудовище, в мыслях умоляя его лишь об одном – перестать мучить.

– Что же ты молчишь? Загнанная, испуганная. Видишь, с тобой можно делать все, что угодно, и ты не возразишь. Правда? – демон навис над трясущейся жертвой, сверля ее взглядом желтых глаз. – Все, что я захочу. Ты моя.

Он наклонился. Когтистая антрацитовая рука стиснула девичье плечо, горячие жесткие пальцы куда-то надавили. Сустав хрустнул и встал на место. Кэсс вскрикнула, но тут же стиснула зубы, не желая, чтобы он наслаждался ее болью. В звериных глазах промелькнуло что-то похожее на одобрение.

– Прекрати дрожать, это раздражает, – без прежнего рыка в голосе приказал мучитель.

Кассандра постаралась взять себя в руки. Навлекать гнев этого существа хотелось меньше всего. И уже через мгновение вместо черно-огненного монстра перед ней опять стоял мужчина из снов.

– Зачем ты пыталась себя убить?

– А почему ты ушел с ней? – выкрикнула она ему в лицо вместо ответа.

Во взгляде вспыхнуло удивление, но Амон быстро вернул себе прежнюю невозмутимость и... промолчал. Какое-то время в комнате стояла тишина. Потом жалобно скрипнул диван, когда мужчина уперся в него коленом. Кэсс мужественно нашла в себе силы не отпрянуть к стене. Демон одним неуловимым движением намотал на кулак огненные волосы жертвы, вынуждая ее запрокинуть лицо.

– Ты моя. Подтверди, что принадлежишь мне.

– Зачем? – простонала Кассандра, не отрывая от него глаз, – отпусти, дай передышку, я больше так не могу.

– Ты моя. Подтверди, и все закончится.

Раздавленная, опустошенная, она кивнула. Она устала бороться.

– Вслух.

– Принадлежу.

– Громче.

- Принадлежу.
- По своей воле?
- По своей воле.

Амон еще несколько секунд сверлил ее взглядом, но потом отпустил и спокойно сказал:

– Ты трижды дала согласие. Запомни. А теперь спи.

Кэсс легла на бок и последнее, что заметила – странную задумчивость на холодном лице.

Ее разбудил солнечный луч. За окном стоял яркий осенний день. Как хорошо! Девушка счастливо потянулась и тут же вспомнила все, что случилось накануне. В душ. Срочно в душ, который так и не удалось толком принять.

– Кофе, хочу кофе! – бубнила она под нос, то так, то эдак поворачиваясь под ласкающими водяными струями.

Вытирая голову, она буквально воочию видела свою любимую желтую кружку, над которой поднимался ароматный парок. Свежесваренный горячий кофе со сливками и сахаром! А еще – плитка шоколада. Плевать на калории и на кариес! Должны ведь быть хоть какие-то радости в жизни?

В ванной Кассандра замешкалась у зеркала. Увы, круги вокруг глаз, конечно, никуда не делись, но зато стали бледнее, кожа уже не казалась восковой, да и след от веревки на шее больше не мерещился. Вывихнутая накануне рука не беспокоила, словно и не было кошмарной ночи. А может, это был еще один сон? Такой же реальный, как остальные? Девушка перевела взгляд на левое запястье – глубокий порез, перебинтованный демоном, никуда не делся, но... вдруг все же примерещилось?

Странно, теперь при мысли об Амоне сердце не сковывал страх, более того, в глубине души хотелось верить, что все произошедшее – не плод воображения. Нет, нет, только не еще одно разочарование! Только не новые мысли о том, что реальность, а что нет! Сердце похолодело... И в этот самый миг Кэсс услышала шум – на кухне кто-то хозяйничал.

– Тебе никто не говорил, что ты слишком громко думаешь? – спросил Амон, не оборачиваясь.

Хозяйка робко вошла и села за стол. Гость с бесподобной самоуверенностью поставил перед ней столь желанный желтый бокал с кофе – горячим, источающим умопомрачительный аромат.

– Мне эта кружка теперь мерещиться будет.

Он выглядел бодрым и свежим. Интересно, а он спал? Демоны вообще спят?

Светлая щетина на скуластом лице делала Амона почти человеком (если такое понятие вообще применимо к монстру). Почти. И это «почти» вселяло в сердце первобытную жуть. Однако страшнее для Кэсс было выражение его глаз: несмотря на поселившуюся в их глубине хищную искру, смотрел ее мучитель задумчиво, словно что-то решая.

– Почему тебе так нравится меня терзать? – обреченно спросила девушка, уронив голову на руки. – Что тебе от меня надо? Я же обычная. И вообще, как ты мои мысли прочитал?

Такое количество вопросов его явно не смутило. Сев напротив, он протянул руку, взял Кэсс за подбородок, вынуждая посмотреть на себя, и вгляделся в ее лицо.

– Ты меня больше не боишься? – уточнил на всякий случай.

– Вот перестану тебя видеть, вообще стану смелой, как никогда, – огрызнулась она, слегка отстраняясь и глядя в кружку.

Нехорошее предчувствие сдавило грудь и заставило съежиться. Демон смотрел как-то странно. Что его гнетет? Раньше Кассандра чувствовала себя если не в безопасности, то хотя бы на знакомой территории, а теперь...

– Ты не ответила.

– Я не знаю, – она бросила быстрый взгляд на своего собеседника, а потом снова уткнулась в кружку. – Ты меня путаешь. Сначала я была уверена, что ты способен причинять только боль, а теперь временами... Чего ты хочешь от меня? Зачем я тебе?

Амон молчал. По его спокойному лицу было невозможно определить, о чем он думает, и Кэсс, устав гадать, махнула на все рукой. Будь что будет.

– Допила? Встань.

Набаты в голове загрохотали с оглушительной яростью. Что-то не то. «Нет, только не смотри так пронзительно! Почему я не могу понять, что у тебя на уме?!» – девушка была близка к панике. Демон протянул ей руку. Лицо его было каменно неподвижно, глаза погасли. Очевидно – он боролся с собой, словно собирался сделать что-то, в чем не был уверен.

– Руку мне опять не ломай, – неловко пошутила Кассандра, поднимаясь.

– Руку не буду. Только жизнь, – так же мрачно ответил мужчина. – Итак, у тебя сегодня день рождения.

– Как сегодня? Нет, он...

– Сегодня. Ты родилась ровно 21 год назад, двадцать четвертого октября. Поздравляю. У меня для тебя два подарка. Первый – сниться в кошмарах больше не буду, а второй... я покажу тебе твою родину.

– О чем ты...

Он прервал вопрос, прижав к ее губам палец. Кэсс чувствовала себя ребенком. Рядом был большой и сильный взрослый, который все решал за нее. Девушка замерла, с детской доверчивостью глядя в голубые глаза, сейчас смотревшие задумчиво.

– Ты самый непонятный человек из всех, кого я знал, – с этими словами Амон отнял руку от ее губ.

Завороженная огненной искрой, тлеющей в глубине его зрачков, ставших снова звериными, узкими, девушка не сразу заметила, что он превратился в демона. Она осторожно протянула руку, чтобы коснуться черного широкого запястья. Блеснули когти. Кассандра не успела испугаться и даже не удивилась, когда они глубоко вонзились ей в грудь. Боль вспыхнула огнем, мир померк. С пугающей ясностью она поняла, что умирает.

– За что? – одними губами спросила несчастная.

Демон прижал ее к себе, чувствуя, как из невесомого тела медленно уходит жизнь.

– За разрешение делать с тобой все, что я хочу, – прошептал он.

Кэсс смотрела остановившимся взглядом. Существо, склонившееся над ней, не умело любить, не знало жалости и было способно причинять только боль. Придерживая жертву за плечи, Амон осторожно коснулся губами ее подбородка, снимая с него каплю крови.

– Не бойся. Я рядом, – демон улыбнулся и мягко опустил на пол уже бездыханное тело.

* * *

Она летит! Радостный свет заливает все вокруг. Она летит! Сильные белые крылья несут ввысь, ближе и ближе к сверкающему солнцу. Душу переполняет упоительный восторг. Быстрее, быстрее, еще быстрее!

Солнечный свет делает огромные крылья такими белыми, что больно смотреть. Неведомое доселе ощущение свободы пьянит, высокое небо манит в бескрайнюю синеву. Кэсс ликует и несется вперед. Два белых крыла реют позади. Она счастлива! Так вот что это такое – умирать. Это не темный тоннель с ярким светом в конце, это полет. Исполненный счастья и экстаза полет!

«Я умерла! – она смеется, понимая, как нелепо, но, тем не менее, верно звучат эти слова, и кричит от восторга: – Я умерла!!!»

Откуда-то издалека, сверху, ее призывает хор знакомых голосов. Ей предлагают все забыть, обрести покой рядом с теми, кого уже давно нет. Она согласна. Она тянется к свету, летит ему навстречу, радуясь и предвкушая. Но вдруг по спине словно ударяет огненная плеть. Тело изгибается, а крылья, всего мгновение назад такие сильные, заламываются в воздушных потоках. Ее крутит, швыряет, бросает, оглушает и ослепляет – болью, ветром, собственным криком. Она падает.

Удар не убивает и даже не оглушает. Но слабость во всем теле мешает подняться. Однако она упорно скользит руками в чем-то липком, и даже находит в себе силы встать на колени. Спину холодит страшная пустота. Она смотрит на свои ладони, а потом вниз, под ноги, и с ужасом видит кровавое месиво, из которого только что поднялась – бледная, шатающаяся, слабая.

Крылья! Это ее крылья. Она уже не взлетит к свету, к тем, кто ждет ее и зовет: одинокая девочка, лишенная даже возможности умереть и понимающая, что никогда не взлетит. Если ей не позволят. А ей не позволят.

Кто-то подошел.

Мужчина.

Он небрежно отбрасывает с пути окровавленный ошметок некогда красивого крыла. Она смотрит на грубые кожаные ботинки, стоящие в крови. Ее крови. Девушка медленно поднимает голову и видит демона. Черного, источающего силу и тьму. Она не знает его, но под ледяным взглядом хочется съежиться и молить о пощаде.

– Почему? Ведь я же *могла* улететь, – стонет она.

– Я не счел нужным тебя отпускать.

– Но я *хотела!* – кричит обреченная на жизнь жертва и тут же шепотом заканчивает: – Я не пойду с тобой.

– Ты трижды добровольно отдалась в мою власть. Вставай.

Она строптиво мотает головой и с ужасом смотрит на руки. Кровавые разводы тянутся по белой коже, словно диковинные узоры. Крохотное пушистое перышко прилипло к тыльной стороне ладони. Кэсс бережно касается его, не замечая, как белый цвет окрашивается багровым.

– Я приказываю. Посмотри на меня.

Кассандра опять мотает головой. Тело немеет.

– Кто ты?

– Твой хозяин. Смотри на меня, – демон не прикасается к ней, но его голос такой повелительный, что приходится выполнить приказ. – Вот так. А теперь дай руку.

– Не хочу.

– Конечно, не хочешь. Но дашь.

Он ждет, пока рабыня осознает неизбежность подчинения. Кажется, он может стоять так целую вечность. Он не спешит, не стремится прикоснуться к ней. Ему нужно только ее согласие.

– Я не могу! – Кассандра стонет, пытаясь подняться.

Мужчина смотрит, не делая попыток помочь.

– Можешь.

Левая нога, правая нога. Покачиваясь и едва дыша, девушка старается дойти до него раньше, чем онемеет все тело. Только бы не свалиться мешком, грудой окровавленной искалеченной плоти! Кажется, минуют долгие часы, прежде чем она достигает цели и берет его за руку. Он улыбается, и ей мерещится, будто в звериных глазах вспыхивает солнце – такое облегчение светится в нечеловеческом, но почему-то странно знакомом взгляде. А потом все исчезает.

Остаются только боль и страх, в горниле которых пылает и плавится рассудок. Но вот сознание затапливает безумная ярость, охватывающая все существо. Потому что Кэсс вспоминает, как демон убил ее и как потом не позволил исчезнуть. Она истошно кричит, вырываясь из его рук, она понимает – он рядом навсегда. Он хозяин. Он будет решать, когда ей жить, а когда умирать. У нее больше нет собственной воли. Несчастливая рабыня захлебывается от ужаса и безысходности, рвется прочь, но без следа тонет в вязкой темноте.

* * *

– Долго она еще будет лежать трупом? – спросил Амон, глядя в огонь.

Темноволосый юноша, сидящий по другую сторону костра, пожал плечами:

– Ты же знаешь, все теперь зависит только от нее.

– Ну, значит, мы тут надолго, – демон потянулся и откинулся на спину. – Хоть выплусь.

– Да ты как будто доволен? – хмуро удивился его собеседник.

Амон хмыкнул, вспоминая мокрую растерянную Кэсс, съжившуюся за тонкой полупрозрачной шторой из целлофана.

– Размышляю...

Юноша смерил расслабленно лежащего свирепым взглядом, но демон и не подумал обеспокоиться: слишком давно эти двое знали друг друга, слишком через многое прошли.

Мучитель Кассандры мечтательно смотрел в усеянное звездами небо. Это было небо, знакомое с раннего детства, родное. В реальности его рабыни люди научились летать к звездам... Смешно!

Люди.

Вообще в мире этой девушки встречалось много нелепостей. Взять хотя бы бестолковую уйму затейливых приспособлений, позволяющих компенсировать отсутствие магии: электричество, самолеты, автомобили... Все то, что здесь совершенно не нужно. Хм. Интересно, если местным человечикам дать волю – они развернутся так же? Амон ухмыльнулся. Ему вспомнились собственные невольники – жалкие, вечно трясущиеся создания, ищущие возможности угодить и быть полезными. Он не знал никого, даже близко похожего на Кассандру.

Назвав ее необычной, демон не кривил душой. В его мире люди не были свободны. Напротив, они являлись самыми жалкими из всех разумных существ, а потому уже много столетий вполне заслуженно оставались в рабстве у представителей более сильных и совершенных рас. И хотя там, где жила до сегодняшнего дня Кэсс, человека считали венцом творения, демон увидел равно то же самое, что и всегда: трусость, покорность, подобострастие. Одним словом, среди многочисленных «венцов» не встретилось ни одного, достойного даже простого интереса. А вот рыжеволосая девчонка неожиданно оказалась забавной. Впрочем, она не особо и принадлежала реальности, из которой была выдернута.

Почему?

Потому что мир, где вырос Амон, был жестоким. Тут не прощались слабости и... никогда не выживали чужаки. А Кассандра, похоже, оказалась местной, раз до сих пор дышала.

Впитывая звуки и запахи родного леса, демон блаженствовал. Ему не нравились людские миры – тесные, душные застроенные безобразными зданиями и похожие на огромные лечебницы, наполненные неполноценными существами. Эти существа ничего не умели, но, нужно отдать им должное, неплохо приспособились. Правда, при этом изуродовали все, что досталось им во владение, не оставив даже памяти о древних лесах – вековых, исполненных тайной мудрости и тихого покоя.

Сонная чаща, словно прочитав мысли того, кого приютила под своими кронами, ласково зашумела. Огромные деревья стеной окружали просторную поляну. Зайдешь в эти дебри и не увидишь над головой не то что звезд, но и просто неба – гигантские стволы вздымаются высоко-

высоко, и разлапистые ветви переплетаются между собой, обвешанные длинными бородами сизого мха. У подножия не растет ни молодая поросль, ни кусты, зато сухих сучьев на костер – в изобилии. Хорошо!

Лес был живым, он дышал и смотрел тысячью глаз, так что зайти сюда без позволения мог далеко не каждый. А охотиться или жечь огонь тем более позволялось не везде. Лес был свят, так как соединял многие миры. Например, эта поляна была не просто пространством без деревьев. Здесь сливались воедино Пути. В мире Кэсс такое место, наверное, назвали бы порталом. В мире Амона говорили проще – Распутье. Получался отличный каламбур – рыжеволосая девчонка сейчас находилась на Распутье. Забавно.

Это самое Распутье представляло собой идеальный круг, в котором не росло ни травинки. И уж тем более ни одно живое существо не могло переступить его границу, кроме наделенных правом. У демона и его спутника такое право было, поэтому оба могли позволить себе беспечно смотреть на звезды, не опасаясь долгой и мучительной смерти.

Лесной ветер доносил множество звуков, уловить которые мог лишь нечеловеческий слух. Амон вслушивался в плеск воды, шорох ветвей, ровное дыхание своей рабыни и в который раз пытался понять, почему он не оставил ее в том мире, как собирался? Почему глупая выходка с самоубийством разъярила его до такой степени, что он предпочел обречь свою жертву на долгую смерть здесь, чем оставить там? Это волновало его, так как не поддавалось объяснению, а все, что не поддавалось объяснению, было нерационально, опасно и во все времена служило причиной проблем.

Спутник демона тем временем занимался своими делами и, к счастью, не догадывался о его терзаниях. Андриэль, или просто Риэль – старый товарищ по многим войнам – был ангелом. Он сидел, повернувшись ближе к огню, и вдумчиво листал какую-то потрепанную книжицу. По красивому большеглазому лицу скользили неверные тени. Со стороны этот хрупкий, невысокий юноша казался едва ли не подростком (сказывалась давняя привычка отводить всем глаза). Стройный, изящный, с растрепанным томиком в руках, он производил поистине трогательное впечатление – эдакий повзрослевший Ромео. Вот только этому «Ромео» было более тысячи лет, и уж точно, обладай он качествами пылкого итальянского мальчика, его жизнь оказалась бы столь же короткой.

Да, внешность порой очень обманчива.

– Спишь? – Андриэль повернулся к растянувшемуся у костра спутнику.

Тот сразу же открыл глаза, по-звериному блеснувшие в темноте:

– Поспишь с вами.

– Как думаешь, нам сразу нужно объяснить ей, что ангелы тут – не божественные создания, а просто раса? – спросил юноша. – Или нет?

Он подошел к своему собеседнику и опустился рядом. Задумчивый грустный странник, одетый в невзрачные темные штаны и мятую льняную рубашку с ослабленной шнуровкой на воротнике. Амон сел. Он был одет точно так же, только на груди еще болтались солнечные очки – забыл уничтожить.

– Мне все равно, – демон повертел неожиданную находку в руках, пробормотал короткое заклинание, и ненужная более вещь развеялась, превратившись в дым. – Если не умрет, сама рано или поздно узнает, что вы собой представляете, поборники добра и света.

Риэль поморщился, но промолчал.

Они сидели, смотрели на огонь и думали каждый о своем – совершенно разные, но при этом очень похожие. На них лежала печать этого мира и, наверное, встань рядом Кэсс, то странной и неуместной здесь выглядела бы именно она, а не эта парочка. Но вот из тьмы леса на поляну вынырнул нагруженный хворостом человек.

Раб, которому хозяева за любовь пошляться по кабакам и бабам дали говорящее прозвище Шлец (кстати, в прошлом достаточно ловкий вор), сбросил с плеч свою ношу и засуе-

тился у костра. Он одновременно готовил ужин и прислушивался к шорохам с той стороны, где спала девушка. Конечно, в отличие от двух нелюдей, юношу состояние пленницы действительно волновало. Во-первых, было интересно, что произойдет после ее пробуждения, а во-вторых, он строил на этот счет далеко идущие планы.

Шлеца можно было понять: хозяева не ограничивали парня в развлечениях, а смыслом жизни некогда свободного воришки были деньги и женщины, причем первое он постоянно спускал на вторых. Но сейчас, уже два месяца, он торчал на этом Распутье и ждал, когда же господа найдут ту, что искали. Два месяца без девок и игры! И хотя не в его природе было роптать, но даже у раба имелись естественные потребности, так что в данный момент он жаждал удовлетворения одной из них.

Мешая медленно закипающую похлебку, юноша незаметно для хозяев оглядывал себя. Ну да, одет бедненько, невзрачно, зато все остальное не подкачало: гибкий как кошка, быстрый и ловкий, он бы стал отличным вором, если бы не копна медных волос – его проклятье в нелегком воровском деле и благословение в том, что касалось женщин. Серые глаза жуликовато посматривали по сторонам. Шлец потер нос и вполне резонно решил: девчонке все равно не из кого выбирать, да и Амон с Риэлем вряд ли будут против. А если она вдруг заупрямится... ни ангелам, ни демонам нет дела до людей.

– Пойду, посмотрю, как она, – услужливо проговорил раб и засуетился.

– Когда будешь смотреть, закрой ей рот, чтобы не кричала, – равнодушно посоветовал Андриэль, переворачивая страницу.

Парень усмехнулся, но тут же стушевался под звериным взглядом желтых глаз.

– Она проспит до утра. И ее никто не тронет, – Амон посмотрел так выразительно, что воришка сжался и бухнулся на колени.

Однажды видевший демона в гневе, он прекрасно знал, *что* может последовать за этим небрежным взглядом, а также, *чем* это почти наверняка закончится. Поэтому юноша уткнулся лбом в землю и стал медленно отползать прочь из освещенного костром круга.

– Великий Туман! – ангел быстро положил руку на плечо своего внезапно рзъярившегося спутника. – Что с тобой? Он ничего такого не хотел!

– Я запрещаю тебе навязываться ей, ясно? – ровным голосом сказал Амон.

Раб быстро закивал. Страшные тени от еще невидимых, но, к счастью, так и не успевших сделаться осязаемыми крыльев исчезли. А демон, как ни в чем не бывало, вытянулся на земле. Чтоб ему поясницу застудить, проклятому.

– Спасибо, хозяин! – парень вытер с лица испарину и благодарно облобызал штанину Риэля.

Тот не обратил на это никакого внимания.

– Что только случилось с моим добрым господином...

Ангел посмотрел в сторону «добрého господина» и пояснил бестолковому прислужнику:

– Она его добыча. Он в своем праве. Иди спать.

Шлец послушно заторопился к убогому ложу – в стороне от костра. Сердце билось часто-часто. Воришка прекрасно знал, что Амон не только вспыльчивый и жестокий, но еще и очень злопамятный. А потому бедный малый молил всех богов, каких только знал (и даже тех, о существовании которых не догадывался), чтобы хозяин до утра позабыл о случившемся.

Непутевому рабу повезло. Амон и правда забыл о его проступке. Следующее утро принесло много такого, что отвлекло демона от суетных мыслей.

* * *

Ее вытягивал из сна чей-то пристальный взгляд. Просыпаться не хотелось – Кассандра давно не спала так спокойно и сладко, но кто-то за ней наблюдал, и от этого становилось

неуютно. Мало того, постепенно приходило понимание, что смотреть на нее в пустой квартире некому. Ведь она одна дома, за надежно запертой дверью. Но почему тогда прежде уютный диван непривычно жесток, а по лицу как будто пробегает легкий ветерок? Девушка распахнула глаза.

Над головой в крошечной прорехе исполинских крон виднелся кусочек неба. Голубого и глубокого, как глаза мужчины из ее снов. Она вдохнула полной грудью влажный лесной воздух и вспомнила, как в эту самую грудь вонзались звериные когти, как больно было перед смертью. Руки сами собой сжались в кулаки – отголоски пережитой боли и смутные воспоминания о прерванном полете наполнили сердце слепым гневом. Кэсс приподнялась на локтях, отыскивая взгляд, буравивший ее уже несколько минут. Демон из сна сидел на корточках всего-то на расстоянии вытянутой руки и спокойно наблюдал, как недоумение, испуг и гнев сменяют друг друга на лице его жертвы.

Кассандра никогда не думала, что может вскакивать со скоростью ниндзя. Но это лицо, лишенное эмоций... Глаза, которые всегда смотрели на нее с равнодушным любопытством... Мужчина, о жестокость которого она не просто сломалась, а разбилась на осколки! Больше всего на свете ей сейчас хотелось убить его. Голыми руками разорвать, разметать, чтобы навсегда уничтожить эту живую самоуверенность! Она бросилась, как дикий зверь. Хотя со стороны, наверное, больше была похожа на расвирепевшего мышонка, собравшегося растерзать здорового кота.

Но мятежница чувствовала себя большой и страшной, а потому не задумывалась о частностях. Мало того, сейчас она была готова биться до смерти – ослепляющая ненависть усыпила чувство страха и самосохранения.

Девушка вцепилась в Амона, повалила его на спину, а сама рухнула сверху, стиснув бока демона коленями, чтобы не сбросил. Он рванулся, однако Кассандра не зря столько лет занималась верховой ездой. Если же учесть, что сейчас ее силы удваивала ярость, а в кровь хлестал адреналин, то шансов вырваться с первого раза у ее противника не было. Мстительница кричала и, не глядя, молотила кулаками, куда придется, надеясь вернуть хотя бы малую толику той боли, что ей уже причинили.

Однако девушка переоценила и себя, и свою злобу, и его растерянность. Демону понадобилось всего несколько секунд, чтобы освободиться. Кэсс сама не поняла, как это случилось, но сильные руки вдруг сгребли ее в охапку и отшвырнули прочь. Жалкая воительница кубарем покатила по земле и вытянулась на опавших листьях. Она едва успела поднять голову, а демон уже стоял рядом. На его беду некогда затравленная жертва ныне утратила привычный страх. По-видимому, он, как забытый багаж, остался в покинутом мире – слишком многое в ней изменилось, терпению пришел конец. Кассандра откатилась в сторону, туда, где у подножия исполинского ствола лежала кривая палка.

Пальцы уже скользнули по рассохшемуся суку, но Амон ногой отшвырнул деревяшку прочь. Девушка взвыла и кинулась рысью туда, куда отлетело единственное доступное ей сейчас оружие. Думала, демон ринется следом, но он позволил ей достичь цели, даже разрешил подняться на ноги и пару раз отчаянно взмахнуть смехотворным оружием.

На этом триумф был окончен. Сзади на разбуянившуюся рабыню навалились неведомые сообщники ее мучителя, перехватили руки, выбили оружие, повисли, не давая шевельнуться. Однако мятежница все равно продолжала кричать и рваться. И только мужчина, притащивший ее в этот мир, спокойно смотрел на эту бешеную ярость. Будто знал – злоба девушки настолько ничтожна, что в любом случае закончится ничем. Даже отчаянные удары, полученные в этой бестолковой и смехотворной схватке, прошли словно мимо демона – кожа, и та не покраснела, не говоря уже о том, чтобы хоть где-то появился намек на синяк или ссадину.

– Пустите! – кричала во все горло Кэсс, но двое державших ее мужчин только усилили хватку.

Амон смотрел колючими глазами и улыбался уголками губ. И от этого взгляда, а также оттого, что ей не удалось хоть сколько-нибудь ему насолить, Кассандра почувствовала себя совершенно жалкой и ничтожной.

– Дура, – со вкусом сказал он.

Это стало последней каплей. Девушка затихла, утратив волю к сопротивлению, и теперь лишь изо всех сил пыталась сдержать слезы. Несколько мгновений это получалось, но потом подбородок запрыгал, губы скривились, и она все-таки расплакалась. Один из незнакомцев тут же ослабил хватку, а другой прижал Кэсс к себе и стал гладить по голове.

– Поревы, красавя, поревы. Сразу легче станет, – неуклюже приговаривал он.

– Успокой ее, – Амон сверкнул желтыми глазами на Шлеца, обнимающего девчонку. – Но не забывай, что я сказал.

– Да-да, господин, – закивал раб.

Демон отвернулся и пошел прочь, за ним, выругавшись, устремился Риэль.

Она плакала долго, а когда, наконец, затихла, юноша, все это время гладивший ее по затылку, сказал:

– Успокоилась? Вот и ладненько, – он отстранился от девушки и улыбнулся, заглядывая в лицо. – Ну-ну, глазки покраснели, носик припух. Зачем портишь такую красоту? Ты жива, здорова, все хорошо.

– Ненавижу его, – заикаясь, выдавила Кэсс.

– Ай-ай, нельзя так. Он хозяин, – Шлец усадил зареванную собеседницу на свою убогую лежанку, а сам устроился рядом.

Девичьи плечи жалко подрагивали, отчего грудь под просторной холщовой рубахой заманчиво колыхалась. Раб сглотнул, с тоской думая о запрете Амона.

– У тебя теперь новая жизнь, привыкай, – посоветовал он.

– Новая? – девушка убрала ладони от заплаканного лица. – В каком смысле?

– Господин забрал тебя в наш мир, и ты тут навсегда, – юноша развел руками. – Поэтому приспособляйся. Вот смотри. Я – Шлец, человек. Мы с тобой – единственные люди на несколько недель пути и должны держаться вместе. Если что-то будет непонятно – спрашивай, а к хозяевам просто так не лезь, а то мало ли? Как Амон тебя не убил – до сих пор не понимаю. Тебя как зовут-то?

– Кассандра, – ответила она машинально и вдруг нахмурилась. – Что значит, единственные люди? А тот, другой, который меня держал – он что, тоже демон?

– Андриэль? Нет, он ангел.

– Кто? – Кэсс посмотрела на стройного юношу, сидящего рядом с Амоном, и переспросила. – Кто?

– Ангел.

– Но он похож...

– Ну да, на человека, но смотри, какие у него волосы. У людей таких не бывает.

Девушка пригляделась. И впрямь, темные волосы стекали на плечи мягкими блестящими волнами, а кончики закручивались в локоны, словно подвитые. Поистине, как херувим с картинки.

– И цвет глаз у ангелов другой.

– Какой? – вопрос сам собой сорвался с языка, будто не было проблем важнее.

– Зеленый. Всегда зеленый, как трава.

Кассандра потеряла виски, собираясь с мыслями: ангелы, демоны, хозяева...

– Шлец, а зачем меня сюда притащили, ты знаешь? – спросила она удрученно.

– Ох, красавя... я вообще знаю очень мало.

– Ну, хоть что-то, пожалуйста!

– Да чего рассказывать-то! Ты – претендентка. Вас тринадцать. Ангелы и демоны, – парень махнул рукой в сторону костра, – совместно ищут таких, как ты. До этого на поиски ходил мой добрый господин Андриэль, он приводил девушек веселыми, полными надежд, но все они умирали... сами. То вены перережут, то еще что.

– Почему?

– Наш мир защищен. В нем могут выжить только те, кто здесь родился, так что, если тебя тянет умереть – ты не избранная, – юноша с любопытством посмотрел на совершенно потерянную собеседницу. – А ты помнишь моего доброго хозяина?

Она отрицательно помотала головой.

– Вспомни! Он долго тебе снился, предлагал счастье и еще что-то, но все было зазря, тогда он попросил господина Амона тебя привести.

– Зачем?

– Ну, в наш мир тебя могут забрать только с твоего согласия, – Шлец лениво почесал за ухом. – Господин Амон насылал страшные сны, безвыходные. А в тот момент, когда ты сломалась и дала согласие, он переступил грань и убил тебя, чтобы забрать в наш мир. И...

– Претендентка на что? – перебила его Кэсс, вспомнив удручившее ее слово.

Он пожал плечами:

– Претендентка и все. А уж что да к чему – только хозяева знают.

И юноша замолчал, беспечно глядя в небо. Похоже, этого рыжеволосого паренька и впрямь устраивало – ничего не знать, ничего не желать и слепо подчиняться чужой воле. Он был доволен. Кэсс посмотрела с удивлением, а потом снова спросила:

– Скажи, Шлец, я что же – родилась здесь?

– Ну, раз не хочешь умирать, значит, ага. Ты же не хочешь?

– В общем-то, нет. Слушай, у тебя ножа не будет?

– Конечно, – вор с готовностью снял с пояса грубое, но надежное оружие и передал девушке. – А тебе зачем?

– Хочу кое-что переделать в одежде, – Кэсс кивнула на грубо скроенную мужскую рубашу с широким вырезом и спадающие штаны, в которые почему-то была облачена.

– Жаль, – парень окинул девушку быстрым, полным тоски взглядом. – Такой вид! Вон в той стороне озеро – сможешь уединиться, заодно и умоешься. Проводить тебя?

– Нет. Я не потеряюсь, – жалко улыбнулась претендентка и, сжимая нож, побрела в сторону озера.

– Смотри не обрежься, – добродушно предостерег ее в спину юноша. – Он острый.

Кассандра кивнула, не поворачиваясь.

Озеро и впрямь находилось недалеко от поляны – заросшее по берегу осотом, оно казалось черным из-за того, что кроны исполинских деревьев не позволяли небу отразиться в спокойных водах. Девушка умывалась и с каждым мигмом все более и более убеждалась в реальности происходящего. И все-таки она не удержалась, пару раз ущипнула себя за плечо в надежде проснуться. Увы.

– Итак, что же получается? – спросила саму себя. – Я не спятила, не сплю, но при этом нахожусь в другом мире в компании с демоном и являюсь претенденткой на должность избранной. Да, и еще тут есть ангел.

Она задумчиво посмотрела на нож, которым только что подрезала волочащиеся по земле штанины. А может...

* * *

– Где она? – Шлец втянул голову в плечи, когда Амон к нему подошел.

– У озера. Она одежду правит.

– Что?

– Одежда ей велика. Она попросила нож...

Раб упал и завыл, когда господин наотмашь ударил его по лицу.

Воздух хлестнули черные крылья, и демон исчез.

– Какого... ты ей нож дал?! – прошипел, подойдя к скорчившемуся парню, Андриэль. – Ты что, позабыл, сколько девок мы уже потеряли? Учти, заступаться за тебя я больше не стану.

– Хозяин, она не такая! – лихорадочно затараторил тот, озираясь. – Она была совсем-совсем спокойная, уже и плакать перестала. Я бы никогда не подверг...

– Молчать!!! – рявкнул Андриэль и мигом превратился из сублильного юноши в грозного повелителя.

Провинившийся бухнулся на колени, однако ангел уже взял себя в руки.

– Встань. Знаю, что не подверг бы. Ты человек, что с тебя взять. Будем надеяться, что она еще жива... и останется жива после того, как Амон ее найдет.

* * *

– Нож.

Властный, лишенный интонаций голос вырвал из ностальгического забытья. Тепло воспоминаний исчезло, а вокруг снова стало одиноко и пусто. Девушка нахмурилась, но поднялась с травы, на которой валялась, наслаждаясь лесным покоем, и посмотрела исподлобья.

– Нож, – по-прежнему спокойно повторил Амон, протягивая черную ладонь, на которой хищно поблескивали звериные когти.

Кэсс повиновалась.

– Ты становишься послушной.

– Просто ты сильнее. Все равно отберешь, – ответила она. – Но когда сильнее стану я...

Демон насмешливо закончил:

– Я к тому времени уже умру от старости.

– На, – девушка протянула оружие, но в ту же секунду, пользуясь тем, что собеседник поверил в ее покорность, сделала стремительный шаг вперед и приставила лезвие к его незащищенному горлу. – Поговорим?

В желтых глазах промелькнула насмешка. Было непонятно, то ли он удивлялся, то ли забавлялся. То ли правда не ожидал от нее такой выходки, то ли нарочно спровоцировал. Собственно, рабыня, стоявшая на цыпочках, представляла собой весьма абстрактную опасность.

– Ты правда думаешь, что меня можно убить этой тыкалкой? – спокойно поинтересовался Амон, словно не чувствуя холода острия, вжатого в кожу.

– Убить – нет, а сделать больно – вполне.

– Похоже, я поспешил назвать тебя необычной, – задумчиво произнес он. – Пока все крайне банально. Так о чем ты так сильно хочешь поговорить?

– Я хочу домой.

– Это не разговор. Это просьба. Которая не будет выполнена. Твой дом здесь. Ты тут родилась и, как ни печально, тут же и умрешь.

– Нет! – прошипела девушка, вдавливая лезвие сильнее. – Мой дом там! И ты меня туда вернешь!

– Там, это где? В пустой квартире на окраине грязного города, в котором у тебя нет даже семьи? – длинные темные пальцы без боязни отвели острие от горла. – В мир, где единственным твоим другом был демон из кошмаров?

– Ты мне не друг! У меня были друзья! У меня все было...

– Именно. Было. А теперь нет.

– Из-за тебя! – выкрикнула Кассандра, борясь с рыданиями.

– Не смей реветь, – жесткая рука взяла ее за подбородок. – Прекрати, я сказал.
Девушка фыркнула сквозь слезы и от всей души пожелала ему провалиться так глубоко, как...

– Я же говорил тебе, не думай так громко, – напомнил Амон.

– А ты не слушай! Вообще не лезь в мои мысли! – отгрызнулась рабыня, высвобождаясь.

– Почему же? Некоторые довольно забавны, – он усмехнулся и, наконец, принял человеческий облик. – Идем обратно. Нам пора отправляться в путь.

С трудом сдерживая желание вновь накинуться на своего обидчика, Кассандра побрела следом.

– Где ты ее нашел? – делано-равнодушно спросил Андриэль.

– Она шла обратно.

Кэсс, не обращая внимания на двух нелюдей, встала рядом с хмурым Шлецом, который раскладывал завтрак по тарелкам.

– Помочь?

– Не надо, – буркнул он, отсвечивая багровым синяком на левой скуле. – Готово уже все. Бери, ешь. И... нож мне отдай.

– Он у Амона.

Юноша, не глядя, сунул в руки собеседнице тарелку с похлебкой и отвернулся. Кассандра, недоумевающая, прошла к расстеленному на земле одеялу, села и молча начала есть. Через какое-то время украшенный кровоподтеком воришка присоединился к ней, устроившись с краю, едва не на самой земле. Девушка подвинулась, давая ему возможность расположиться поудобнее.

– Что это за место? – спросила она, медленно, без аппетита жуя.

– Распутье, – ответил парень, вновь обрадованный возможности поговорить. – Понимаешь, перенос из других миров требует очень много силы. А тут что-то вроде источника. Если б тебя перенесли, скажем, в Вильен, то вы с господином Амоном месяц бы без памяти провалялись, а тут – пара часов сна, и все.

– Да... все. А что такое Вильен?

– Одина из наших провинций. Доберемся, запасы пополним и дальше поедем, к столице. Завтра с утра откроется Путь в местечко поблизости с Вильеном. Как раз и оглядишься.

– Расскажи мне, как тут у вас все?

– Да как... – он развел руками. – Как обычно. Хозяйева заправляют, люди работают, а потом расслабляются в Аду.

– Где-е-е?!

– У-у-у, шикарное место, красава! – Шлец закатил глаза. – Тебе понравится. Когда дойдем до города, господа, – юноша кивнул в сторону негромко беседующих повелителей, – полетят в свои кварды, а мы погуляем.

– Кварды?

Парень открыл рот для объяснения, но его перебил некстати подошедший ангел.

– Пора отправляться. Кассандра, ты умеешь ездить верхом?

Та уже была готова кивнуть, но тут в мозгу шелкнуло:

– Нет.

– Что ж, научишься, – Риэль подвел девушку к довольно-таки смирной на вид сивой лошадке и легко посадил в седло. – Осторожно... да, ногу в стремя... держись...

Но коварная рабыня уже натянула поводья и сдавила коленями сивкины бока. Животное взвилось на дыбы. Наездница закричала, понукая, и взяла с места в карьер, пригнувшись к конской гриве.

Ликование затопило душу, когда из-за спины донесся удаляющийся яростный рык Амона и верещание Шлеца. Кэсс подгоняла лошадь пятками и неслась, неслась, неслась через дере-

вья, нарочно петляя, чтобы преследователю было неудобно лететь. Невзрачная с виду кобылка оказалась на диво резва и теперь мчалась как ветер.

Только бы не выбила из седла какая-нибудь некстати оттопыренная ветка, только бы не настигли... Кассандра не знала, куда скачет, однако гнала, что есть духу, не оглядываясь. Мелькнула мысль о том, что так ей домой точно не попасть, но, с другой стороны... а что ее ждет дома? Она очень хорошо помнила вонзившиеся в грудь когти. Попасть домой, чтобы счастливо умереть на собственной кухне, захлебываясь в крови – далеко не то, о чем станешь мечтать даже и на чужбине. Ах, если бы можно было вернуться! Она бы собрала институтских ребят на пиво! Как славно они всегда сидели... И еще завела бы собаку. Просто так, чтобы было веселее. Например, пятнистого сеттера. Нет, лучше кота – она ведь редко бывает дома, а с собакой нужно гулять. Да, черного кота с пронзительными желтыми глазами. Боже, о чем она думает, если за ней... Первый раз за все время девушка оглянулась и поняла, что погони нет.

Лишь теперь пришло осознание совершенного поступка. Куда бежать? Ни денег, ни знакомых, только лошадь да сомнительная одежда с чужого плеча. Правда, позади седла навьючена какая-то поклажа. Ее можно разобрать и продать, а, может, там и деньги найдутся... свобода сама идет в руки! Кэсс вновь сдвинула коленями взмыленные лошадиные бока, направляя уже едва плетущееся животное вперед.

Пока лошадка устало брела через чащу, в голове беглянки сложились несколько сценариев дальнейшего развития событий. Первый. Ее убивают разбойники, которые без сомнения водятся в здешних местах. Второй. Она добирается до города, где растворяется в толпе, но надолго ли? Амон ее наверняка настигнет и убьет. Или этот его пернатый друг догонит и вернет обратно. Но все же... все же в душе тлела робкая надежда на то, что она не только сможет скрыться, но и выжить в незнакомом мире. Хотя, по большому счету, верилось в это с трудом. Так зачем, спрашивала она себя, прижавшись к лошадиной холке, зачем она бежит? Ответ пришел сам собой: потому что это правильно. Потому что...

На отдых девушка остановилась лишь тогда, когда скрылось солнце. Лошадь уже еле переставляла ноги, а наездница едва сидела на ней, перекашиваясь в седле то на правый бок, то на левый. Определенно, завтра она не сможет не то что ехать верхом, но даже и просто ходить. За весь этот бесконечно долгий день Кэсс столько раз меняла направление, что сейчас при всем желании не смогла бы вернуться обратно. Хотя, говоря по чести, подобного желания у нее не возникало. Кое-как спешившись, она застонала от боли в мышцах – все тело страдало и ныло, ноги вообще не слушались. Стащив с коня поклажу, беглянка растеряла последние силы и рухнула на остывающую землю.

К счастью, лошадь от нее ничего не требовала – неспешно отойдя в сторону, она принялась щипать траву. Девушка могла ей только завидовать, она-то последний раз обедала в лагере своих похитителей. И, судя по тому, как возмущался желудок, времени с той поры прошло немало. Сейчас она передохнет и пороется в седельных сумках. Наверняка там найдется что-нибудь съестное, не может не найтись. Еще одну минутку, всего одну, и она поднимется на ноги...

Резкая боль заставила закричать. Руки сами собой метнулись к голове, волосы с которой кто-то собрался сорвать вместе со скальпом.

Амон.

– Накаталась?! – прорычал демон и вздернул беглянку на ноги.

У той из глаз брызнули слезы.

Хлесткая пощечина оглушила до звона в ушах. Мучитель не поспешил на оплеуху – звериной ярости и жестокости в нем сейчас было на двоих, а у Кэсс не осталось сил даже просто устоять на ногах. Девушку отбросило в сторону, словно тряпичную куклу. Она врезалась спиной в ствол могучей сосны и рухнула к ее подножию, оглушенная, утратившая способность видеть и дышать. Перед глазами плыли круги, тело налилось свинцовой тяжестью. Только бы

лежать так, уткнувшись головой в траву, ничего не видеть, ничего не чувствовать, ни о чем не думать! Но новая волна боли накрыла незамедлительно.

Это демон опять схватил свою жертву за волосы и поставил на ноги. Он даже отвел ладонь, чтобы вклеить новую пощечину, но отчего-то передумал и медленно опустил руку. На темном и сейчас особенно нечеловеческом лице пламенели узоры, на виске отчаянно пульсировала тонкая жилка. Кассандра понимала – ему стоит огромных сил сдержаться и не прибить ее на месте. Почему же он не дает воли ярости?

Непонимание в сочетании с ужасом заставило девушку сжаться. Ей нечего было противопоставить этому свирепому и жестокому существу, потому оставалось только ждать: убьет или пощадит? Скорее всего, убьет. Но раз так, тогда пусть запомнит хотя бы, что это стоило какого-никакого труда. И рабыня с отчаянием рванулась прочь. Тщетное усилие! Конечно, сильные руки ее тут же перехватили и вжали в дерево.

– Ты действительно думала, что убежишь от меня? – едва слышно произнес Амон, наклоняясь к самому лицу жертвы, и тут же с тихой яростью подытожил: – Тебе это не удастся. Никогда. Запомни.

Теперь в его лице не осталось ничего человеческого и даже ничего звериного. Демоническая сущность проступала все ярче, являя привычные по кошмарам черты. Но девушка уже видела его таким, поэтому пусть не надеется наслаждаться ее ужасом.

– Иди к черту, – прошипела она сквозь стиснутые зубы. – Отпусти, мне больно.

И с отчаянием погибающего мятежника впилась взглядом в желтые звериные глаза:

– Убери. Руки. Сейчас же.

Невольный интерес проступил на темном лице, которое постепенно обретало все большее сходство с человеческим. Зверь отступал, даже жилка на виске билась едва заметно. Губы Амона дернулись в привычной усмешке. Он что-то решил. И видимо, что-то весьма не радостное для своей невольницы.

Она не поняла, что произошло. Он *посмотрел*. И взгляд отвести было невозможно. Кэсс застыла.

Из колючих зрачков ей в душу хлынула бездна. Девушка захлебнулась, утрачивая ощущение реальности и срываясь в черную крошечную пропасть. Мир вокруг исчез, ноги потеряли опору. Она падала, падала, падала, беспросветная мгла окутывала разум, вязкая чернота мешала думать, подавляла гнев и мятеж. Хотелось осесть под свирепым натиском пустоты, раствориться в ней, смириться, упасть на колени...

– Амон, хватит! Ты ее убьешь!

Сознание Кассандры будто вынырнуло из глубины на поверхность. Тяжелая рука мучителя лежала на плече, не позволяя даже шелохнуться, но хищные желтые глаза с узким зрачком смотрели на кого-то, стоявшего за спиной жертвы. Судя по голосу, это был Ризель. Бесконечную секунду Зверь испепелял взглядом неожиданного заступника, а потом... отступил. Видимо, гнев сошел, и демон смог мыслить более здраво.

– Не ори. Забирай сокровище, – он оттолкнул девушку к ангелу.

Тот подхватил безвольную, словно куль, покрытую с головы до ног холодной испариной смутьянку.

– Она в шоке, – с укором сказал спаситель.

– Еще бы, – удовлетворенно ответил демон. – Выруби ее. Надоела.

Андриэль скороговоркой прошептал над беглянкой какое-то заклинание. Веки девушки отяжелели. Сон накатывал мягкими волнами. Интересно, когда это все закончится? Когда она перестанет то дрожать, то терять сознание, то обмирать от боли, то спать?

– За что ты ее так? – ангел смотрел на своего спутника с непониманием.

Он знал его много лет и всегда считал очень сдержанным и расчетливым. Жестоким, конечно, – все демоны одинаковы, но именно этот в большинстве случаев прекрасно владел

собой, что встречается крайне, крайне редко. Да только рядом с этой девчонкой он поминутно впадает в какое-то боевое безумие, причем без малейшего повода. Почему? Не может ее подчинить и поэтому бесится? Глупость. Она его, а значит, в полной власти. Странно. Амон вообще к людям относится крайне спокойно. Как к насекомым. Не бьет, пока не начнут досаждают. А эта бедолага еще и не успела толком напакостить. Ну, удрала – и что? Собачка на поводке совершила коварный побег – ускользнула на два шага от хозяина! Смешно ведь. Но демон не смеялся.

– За что? – повторил свой вопрос сбитый с толку ангел.

– То есть побег не считается? И то, что мы из-за этого потеряли целые сутки? Вообще, где твой раб?

– Он человек, и летать не умеет. Доберется, как сможет, так что прекрати рычать и разведи костер.

– Топни ножкой, великий господин! – усмехнулся в ответ тот, к кому были обращены эти, в общем-то, невинные слова.

– Да брось паясничать. Когти втяни. Чего это тебя так распирает? – Риэль и впрямь был озадачен. – Я поохочусь, а то пока Шлец с припасами дотащится, светать уже начнет. Костер только разведи.

– Разведу, – сварливо ответил демон.

– Знаешь, Амон, – Андриэль покусал губы, – никогда не думал, что ты способен на беспричинную жестокость.

– Это было лишь легкое наказание.

– Сам знаешь, что не было, – он вдруг улыбнулся. – Вышло, конечно, забавно, но все же не убей ее, по крайней мере, до моего прихода.

С этими словами спаситель Кэсс ушел.

* * *

– Ты что-то задумал, – протянул ангел, глядя на то, как его умиротворенный спутник лежит на небрежно раскинутых крыльях и смотрит в одну точку.

Костер догорал. В кронах деревьев гулял ветер. Кэсс спала обморочным сном. Тихо.

– Почему ты так решил? – в ровном голосе демона отсутствовало любопытство. – Может, я просто рад, что буду мирно спать всю ночь?

Друг проигнорировал его слова и продолжил:

– Ты спокоен. Она дважды тебя послушалась, один раз набросилась с кулаками, чуть не сбежала, и я был уверен, что, догнав вас, обнаружу ее бездыханное тело, но нет. Ты с ней играешь. Издеваешься, унижаешь, но и злишься как-то странно. Давай начистоту. Будь это любой другой человек, ты бы просто убил его за непокорность. Дня два назад. Но ты бесишься, кидаешься на нее без повода, а теперь... Ты лежишь здесь, любишься звездами, и... ты спокоен, – Риэль развел руками, искренне подчеркивая свое непонимание столь противоречивого и оттого неестественного поведения.

– Я уже все решил, – демон лениво повернул голову в ту сторону, где лежала его рабыня. – Так что не вижу повода для беспокойства.

– Иногда я завидую твоей расчетливости, – ангел подавил зевок и закинул руки за голову. – Посвятишь?

Амон какое-то время смотрел на звезды. Со стороны могло показаться, что он просто любит небо, но пронизательный взгляд собеседника отметил сведенные брови и сосредоточенность в глазах – демон просчитывал, насколько может довериться другу.

– Клятва?

Риэль, мысленно ругнувшись, сделал незамысловатый пасс руками, накладывая на себя заклинание, называемое в шутку «молчанка». Хотя какие уж тут шутки, теперь он и правда никогда и никому не сможет рассказать об услышанных нынешней ночью «откровениях».

– Ты параноик, – хмыкнул он, прекрасно понимая, что это не так.

– А ты ангел, – последовал незамедлительный ответ. – И ваш кодекс чести слишком... прозрачен.

– Опустим это. И так?

– Я хочу ее, – спокойно, словно говоря о погоде, сказал демон и перевел взгляд на собеседника. – Она станет моей рабыней. Моей покорной рабыней.

– Но... Амон, она ведь...

– Я уже все просчитал, – он улыбнулся, и эта улыбка была полна предвкушения. – Ты мне поможешь.

– Ну уж нет...

– Да. Выбора-то у тебя не остается. Так ведь? Но можешь расслабиться. Сейчас помощь будет заключаться только в том, что ты не станешь мешать, – интриган закрыл глаза. – У меня давно не было рабыни.

Ангел бросил сочувственный взгляд на спящую невольницу – обитатели Ада были отвратительными хозяевами, а Амон... он, пожалуй, был самым жестоким представителем своей расы. Если же учесть, как легко он впадает в ярость рядом со своей невольницей, то... Единственный шанс для этой девочки не сойти с ума – слушаться беспрекословно.

– Кстати, что у нее с магией? – спросил Риэль.

– Не знаю. Мне все равно.

– А она?...

Демон выразительно пожал плечами.

– Вряд ли. Их мир достаточно раскрепощен, – он закрыл глаза. – Проснется, поинтересуемся.

Кэсс пробудилась спустя несколько часов под мирные звуки кипящего на огне котелка. Шлец готовил поздний ужин, мурлыча под нос незатейливую песенку. Юноша казался вполне довольным жизнью, словно накануне и не провел весь день в седле, идя по следу беглянки, не чистил вечером лошадей, не суетился, угождая хозяевам. Сама девушка ощущала себя разбитой, уставшей и несчастной.

Она сидела, положив голову на колени, и думала о том, что с ней несколько часов назад сотворил тот, кого она по глупости трижды признала хозяином. Зияющая пустота, которую он заронил ей в душу, лишила покоя. Внутри рассудка словно гуляло эхо. Несчастной рабыне казалось – ее мучитель то ли поделился с ней чем-то, что носил глубоко в себе, то ли всего-навсего позволил это увидеть. Было страшно.

Как он может так жить? Разве получится просто дышать, когда в душе нет ничего – только бесконечное равнодушие и пустота? Может, смотри он ей в глаза чуть дольше, бездна заполнила бы и ее? И она стала бы такой, как Амон? А он? Он бы изменился? Вряд ли. Бездна неисчерпаема. Ее хватит на всех. На то она и бездна...

– Кассандра.

Девушка испуганно вскинула голову.

Андриэль.

– Мне нужно задать тебе личный вопрос. Ответь честно.

Она кивнула, с удивлением заметив, что ангел как будто замешкался. Демон стоял рядом, и хотя на его спокойном лице не отражалось никаких эмоций, почему-то было понятно – он снова забавляется.

– Ты не чувствуешь в себе никакой магии?

– Что? – не ожидавшая такого вопроса, она захлопала глазами. – Магии?

– Судя по всему, нет, – ответил за нее Амон.

– А как это?

– Предрасположенность к какой-либо из стихий, – Риэль нахмурился и повернулся к другу. – Надо это выяснить. Устроить проверку или...

Тот пожал плечами.

– Делай что хочешь. Я наблюдаю.

– Кинуть в нее огнем?

Светлые брови взлетели вверх, но ответом на вопрос была тишина.

– Огнем? – рабыня переводила взгляд с одного на другого. – Вы о чем?

– Я придумаю, – ангел нахмурился. – А ты уверен, что она...

– В том мире свободные нравы. К тому же два дня назад она напала на меня, и если бы...

Та, чью судьбу эти двое так бесцеремонно и туманно обсуждали, смотрела на хозяев, свирепея все больше. Они что, совсем больные?

– Кэсс, ты женщина? – наконец неловко поинтересовался очаровательный гуманист, минуту назад собиравшийся швырять в несчастную жертву огнем.

Девушка окончательно запуталась и даже оглядела себя. Ну да, одета неправильно, но разве не заметно, что она не мужчина?

– Конечно, женщина, а что, это незаметно?

– Может, дело в том, что она человек? – задумчиво спросил Риэль.

Амон посмотрел на девушку, а потом опять пожал плечами:

– Не знаю. Выясним позднее.

Когда нелюди отошли, растерянная Кассандра снова опустилась на одеяло, служившее ей ложем, и вопросительно уставилась на Шлеца, как раз подошедшего с тарелкой в руке.

– Не объяснишь?

– А что тут неясного? – почесал он затылок. – Весь магический потенциал проявляется, когда, ну... ты перестала быть невинной. И, естественно, господа интересуются...

– Так они спрашивали, девственница я или нет?

– Да. А ты что подумала?

– Другое, – последовал мрачный ответ.

– Жаль, что это не так, красава, – расстроено протянул Шлец, перед тем как отойти. – Если бы ты была невинна, тебя сегодня же отдали бы мне. Два месяца...

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Не помогло.

– У меня проблема. Большая такая проблема, – она уткнулась лицом в колени и не увидела, как сверкнули в темноте желтые звериные глаза.

* * *

Небо светлело. Сон бежал изголовья. От постоянного верчения с боку на бок уже болели ребра. А проклятые думы не желали покидать голову – терзали и мучили. Слишком много их, видимо, накопилось. Через некоторое время в предутреннем полумраке обозначилось какое-то движение. Это Шлец осторожно продвигался к ложу подруги по несчастью с одеялом в руках.

– Я знаю, что не спишь, – тихо прошептал он. – Можно составить тебе компанию?

– Садись.

Довольно кряхтя, вор уселся на свое одеяло и принялся сосредоточенно наблюдать за светлеющим небом. После того, как он вздохнул в третий раз, Кассандра не выдержала и тоже села.

– Ты что-то хотел?

– Не желаешь сыграть в карты?

– Нет.

– Жаль... может, что-нибудь другое?

Она застонала и уронила голову на колени. Подумать только, сейчас могла бы сидеть дома и смотреть какой-нибудь фильм, а потом бы легла спать и увидела во сне Амона. Всего лишь во сне. Девушка зябко поежилась.

От парня, сидевшего рядом, не ускользнуло это движение, и он тут же заботливо накинул на продрогшие плечи «красавы» свое одеяло.

– Спасибо.

Какое-то время они посидели молча, думая каждый о своем, а потом Шлец легонько провел пальцем по щеке Кэсс. Та отстранилась, но юноша, словно не замечая этого, наклонился, собираясь ее поцеловать.

– Нет, – девушка уперлась ладонью ему в грудь. – Нет.

– Кассандра!!!

Она вздрогнула и перевела взгляд на стоящего всего в нескольких шагах Амона. Он смотрел на нее вроде бы безразлично, но в глазах закипала хорошо знакомая холодная ярость. Неловко поднявшись на ноги, Кэсс открыла рот, но вновь закрыла его, не зная, что сказать.

– Что это было? – металлическим голосом спросил демон, повернувшись к рабу.

– Ей одиноко, а я просто составил компанию, – тот примирительно улыбнулся, поднимаясь и сворачивая свое одеяло. – Она принадлежит тебе, господин, я помню.

Когда юноша удалился, Амон подошел к девушке и некоторое время стоял, слегка склонив голову и рассматривая ее.

– Опять замерзла?

Удивленная простотой вопроса, она кивнула и робко спросила:

– А ты никогда не мерзнешь?

– Нет, – он повел плечами, и за спиной раскрылись два призрачных черных крыла. – Под ними тепло.

Карие глаза наполнились изумлением:

– Как?

Она даже протянула руку, чтобы дотронуться, но вовремя отдернула, вспомнив, что это все-таки Амон.

Странная – обычно люди боятся его крыльев.

– Они могут стать прозрачными, плотными, легкими или тяжелыми. На них можно спать, можно укрываться, а можно сделать вот так, – крылья мягко взметнулись, и тихонько ойкнувшая Кэсс оказалась огорожена от всего мира, словно в алькове.

– Очень удобно, – вкрадчиво сказал демон.

– Тебе повезло.

Стало ясно – грозный хозяин сегодня отчего-то в хорошем настроении. Знать бы только причину его благосклонности, а еще быть уверенной в том, что неожиданная милость не сменится за долю секунды на гнев.

И все-таки девушка не удержалась и подушечками пальцев осторожно коснулась крыла. Теплое. Мягкое.

– Подойди, – короткий приказ заставил вздрогнуть и улыбка незамедлительно сошла с лица. Только сейчас настигло запоздалое понимание: они остались один на один, скрытые от глаз спутников.

– Нет, – Кассандра отстранилась и уперлась лопатками в крылья. – Выпусти.

– Чего ты боишься? – мягко спросил Амон.

Все он знал. И о ней, и о ее страхах. Врать не имело смысла:

– Тебя, – честно ответила девушка.

– Я такой страшный?

И он крыльями подтолкнул жертву к себе. Какое-то время изучающе смотрел на то, как судорожно она дышит, а потом наклонился... Вздых, и сердце невольницы, обмирая, рухнуло в пустоту. Ее демон, ее жуткий кошмар, ее сон – прижимал ее к себе. Под прикосновениями горячих ладоней плавился и таял ужас, отступала бездна, которую недавно довелось пригубить. Он живой, настоящий, как она только могла подумать, что в нем нет ничего, кроме пустоты?!

Девушка всем телом подалась вперед. Захотелось коснуться, почувствовать – какой он на ощупь? Обжигающе горячий и при этом будто высеченный из гладкого камня... Кэсс снова встала на цыпочки, как сутки назад, когда грозила хозяину ножом, но теперь, осмелев, обняла за шею. По коже словно танцевало пламя, путешествуя за его руками. И ничего не осталось – ни боли, ни страха. Оказывается у него очень нежные губы. И руки. Отдаться его воле, никогда не перечить, быть покорной, самой покорной из всех рабынь...

Но в этот самый миг, когда она уже была готова добровольно подчиниться, демон отстранился и сказал с привычной насмешкой в голосе:

– Вот видишь, ничего страшного не произошло. Не я первый, не я последний... – он улыбнулся и убрал крылья. – Хотя... наверное, я все же первый.

Рука сама собой взлетела, чтобы вlepить пощечину, но была перехвачена за запястье. Злость на лице Кассандры нисколько не уступала мгновенно вскипевшей ярости Амона. Но впервые его жертва, пригубившая бездну и огонь, не обратила внимания на звериный блеск голубых глаз.

– Больше *никогда* меня не трогай. Лучше убей!

– Это было бы слишком просто, – пожал плечами демон – Поэтому ты будешь жить. И сломаешься, как все.

– Сам скорее переломишься! – пронзительно кинула она, сжимая кулаки.

– Ты, похоже, забыла, кому принадлежишь, человечка? – прошипел уязвленный хозяин. Его глаза вмиг стали желтыми.

– Я. Тебе. Не. Принадлежу, – чеканя каждое слово, отозвалась рабыня. – И. Никогда. Не. Подчинюсь.

– Принадлежишь и подчинишься, иначе...

– Эй! – крикнул появившийся опять, словно ниоткуда, ангел. – Пора открывать Путь. Что ты там застыл?

Демон обернулся и прожег друга таким свирепым взглядом, что он отшатнулся. Кэсс воспользовалась моментом – отступила подальше, чувствуя, как внутри все дрожит. Но жесткая рука тут же больно стиснула ее за плечо и дернула, волоча, будто собачонку. Амон стремительно подошел к Андриэлю, а тот достал из-за пояса кинжал и острием прочертил на ладони кровавую линию. То же самое совершил и его спутник. Повернувшись лицом друг к другу, ангел и демон соприкоснулись ранами, смешивая кровь. Несколько секунд ничего не происходило, а потом из соединенных ладоней полилось ослепительное сияние. Шлец схватил ангела за руку и как только руки всех четырех путешественников соединились, нелюди выкрикнули что-то на гортанном хриплом наречии. И свет померк...

Когда Кассандра нашла в себе силы разлепить зажмуренные от ужаса глаза, то оказалось, что она и ее спутники (или конвоиры?) стоят уже не в лесной чаще, а посреди длинной проселочной дороги. Щедро светило яркое летнее солнце, пахло травой. Ветер лениво подгонял серую пыль, а по обе стороны тракта тянулись просторные луга. Вдалеке паслось стадо, под присмотром одинокого пастушка. И больше никого – ни души. Только впереди раскинулось небольшое поселение. Неказистые дома жались за бревенчатыми стенами. Не город, так – деревушка какая-то...

Организм, непривычный к столь оригинальным способам перемещения, растерялся от резкой смены видов. С запозданием настигло противное головокружение, к горлу подступила тошнота. Как будто спрыгнула с быстро крутящейся карусели, или перекачалась на качелях.

Девушка пошатнулась и машинально оперлась обо что-то. Лишь когда по позвоночнику пробежала мелкая дрожь, Кэсс поняла, *кто* служит ей поддержкой, и застыла. Демон несильно дернул ее за волосы, вынуждая посмотреть на него.

– Боишься меня, – недобро усмехнулся он, видя, как вздрогнула жертва. – Это хорошо.

Люди должны бояться.

– Не боюсь, – храбро, но глупо огрызнулась она.

Мышонок, исполненный отваги, снова был готов напасть на кота.

– Неужто? – ей показалось, или в низком голосе звучали мурлычущие нотки?

Все. Довольно его радовать! Кассандра прямо посмотрела в глаза хозяину, собираясь сказать... что именно она собиралась сказать, так и осталось тайной. В том числе и для нее самой. Язык присох к небу, в горле застыл ком. Стоило посмотреть в лицо Амону, как сила воли превращалась в абсолютное ничто. Ни шевельнуться, ни даже просто отвести взгляд. Вихрем пронеслись перед глазами воспоминания о недавнем поцелуе и последующем унижении.

В глубине звериных зрачков опять мелькнула странная искра, и демон чуть наклонился к жертве, ожидая, что та отпрянет. Но она, напротив, сжала зубы, стиснула кулаки и подалась вперед, вопреки всем своим вопящим от ужаса инстинктам. Снова на его лице мелькнула насмешка. Они стояли так близко друг к другу, что дыхание сливалось.

Прозрачные глаза демона смотрели в темные, полные ярости глаза девушки. В мыслях Кэсс снова всплыло воспоминание о поцелуе, но сейчас оно изменилось, ожило, словно превратилось в чреду видений, которые можно было почувствовать. Он целует ее... отстраняется... но не говорит ничего обидного. Вместо этого горячие губы скользят по ее запрокинутой шее, обжигая дыханием. И Кассандра откидывается еще сильнее, чувствуя на спине сильные ладони и впитывая, впитывая ласку. Сердце неистово бьется, но вот он отрывается от нее, голубые глаза медленно становятся звериными...

Чем старательнее девушка гнала от себя эти странные, вязкие и чувственные мысли, тем откровеннее они становились. Амон, глядя в глаза рабыне, улыбался все шире и шире, видя, как жарко полыхает от стыда перед навязанными им картинками лицо. Он склонился еще ближе, так, что губами почти коснулся уха Кэсс, и прошептал:

– Как громко ты думаешь...

От близости его дыхания по спине и рукам Кассандры побежали мурашки. Глаза испуганно распахнулись, щеки залились отчаянным румянцем. А демон, решив одержать окончательную победу, шепнул:

– Только попроси...

Шлеп шмыгнул носом, подсаживая Риэля на лошадь. Этот резкий неуместный звук помог девушке совладать с собой.

Она уставилась под ноги.

Лицо пылало.

Бешено бьющееся сердце будто собиралось выпрыгнуть из груди.

А вот Амон только невозмутимо хмыкнул и спокойно отошел.

– Сволочь бездушная, – прошептала Кэсс, направляясь на неверных ногах к знакомой уже сивой лошадке.

Селение, через которое лежал их путь, оказалось крошечным и убогим – пара десятков дворов, постоянный двор и небольшой торг, все – в кольце старой бревенчатой ограды. Пальцем ткни – развалится. Дорожки и тропинки между домами почему-то оказались посыпаны пеплом.

Он падал с серого неба, хотя за воротами по-прежнему ярко светило солнце. Демон выразительно посмотрел на ангела, и тот пробормотал под нос что-то похожее на ругательство. Кассандра ехала, непрерывно оглядываясь. Пепел чинно парил в воздухе, но каким-то чудом опускался только под ноги идущим, словно не осмеливался коснуться людей. Собственно, сам факт

таких необычных осадков никого тут не смущал – все без исключения селяне были поглощены делами. Даже дети не носились с визгом по улицам и дворам, мешая взрослым и получая подзатыльники, а тоже что-то старательно мастерили.

Четверо путников неспешно ехали по улице. Кэсс, пользуясь этой неторопливостью, сверху вниз смотрела на обитателей деревеньки, увлеченных каждый своим делом: гончар крутил босыми ногами весело жужжащий круг и лепил горшок, на пороге одного из домов сидели две совершенно одинаковых девочки-подростка с подвязанными к поясу прялками. Веретена мелькали в сноровистых руках, наматывая ровную шерстяную нить. Однако, несмотря на всеобщую занятость, путников все-таки замечали.

Увидев господ, жители бросали работу и незамедлительно падали ниц, тычась лбами в присыпанную пеплом землю. Однако, минуя раболепно склоненные спины, Кэсс затылком чувствовала на себе недоумевающие взгляды. Всеобщий интерес привлекали ее волосы, люди провожали глазами это чудо, а дети без затей тыкали пальцами и долго смотрели вслед с простодушным изумлением. Невысокая, худая, в мужской одежде, девушка все сильнее съеживалась в седле и едва сдерживалась, чтобы не пришпорить смирно шагающую сивку и не унести прочь из этого странного, мрачного места. Она старалась держаться поближе к Амону. Один раз даже задела ногой его стремя. Хозяин покосился на нее, но ничего не сказал, хотя и шага его вороной тоже не замедлил.

– Как быстро ты пополнишь запасы? – спросил демон спутника. – Не люблю людские поселения.

– Час, – ответил тот, раздраженно глядя на приветствующих их людей.

– Шлец, смени лошадей. И их должно быть три, а не четыре, понял?

– Да, господин, – часто-часто закивал юноша.

– Риэль, возьми с собой девчонку?

– Почему я? – любопытствовал ангел.

– Мне нужно проведать один из отрядов, что стоит здесь, недалеко. Надо узнать, есть ли новости из столицы.

Пока мужчины обсуждали судьбу Кассандры, та сидела на лошади и уныло рассматривала свою безобразную одежду и босые пыльные ноги.

«Какая же я грязная!», – эта мысль прочно засела в голове и вытеснила все остальные. Кэсс не мылась уже почти три дня, а сколько всего за это время случилось. Одна бешеная скачка через чашу чего стоит! Все тело от макушки до пяток пропахло конским потом и вообще всякой гадостью. Однако, видя, каково отношение в здешнем мире к людям, невольница предпочитала молча мечтать об огромной горячей ванне, увенчанной пышным кружевом сладко пахнущей пены, о чистой удобной одежде (которая не болтается, как на вешалке, и не пытается сползти при каждом шаге).

Сразу вспомнился родной мегаполис, и из груди против воли вырвался печальный вздох. А вот пару месяцев назад, когда у них в микрорайоне отключили свет, Кэсс принимала ванну при свечах. Лежала в горячей, ласкающей тело воде, слушала шипение пенных пузырьков и пила сухое красное вино. Холодный напиток внутри нее и горячая вода – вокруг. И тело наливается такой сладкой истомой расслабления, что...

– Прекрати, – прошипел демон, хватая ее за плечо.

– Что? – ничего не понимая, спросила девушка.

– Прекрати так громко думать!

«...что хочется окунуть Амона в эту ванну... с головой и подержать, пока не перестанут идти пузыри!»

«ПЕРЕСТАНЬ ДУМАТЬ!»

По спине побежали мурашки. Он сейчас, что... мысленно с ней говорил?

– Риэль, встретимся у рынка.

– Так с кем она, в итоге, идет?

– Со мной, – огрызнулся демон, спешиваясь. – Отведу в баню, пусть помоемся, а то выглядит, как щенок побитый, и пахнет не лучше.

Он бросил поводья Шлецу и так сверкнул глазами на рабыню, что она почла за благо тоже выбраться из седла. Сильная рука толкнула Кассандру между лопаток, указывая направление, в котором следовало двигаться, а потом каждые два шага напутствовала новыми тычками, чтобы не мешкала. Невольница, обескураженная стремительностью действий, почти бежала, путаясь в широких штанах.

У одного из домов Амон остановился, схватил разогнавшуюся Кэсс за плечо, развернул и приподнял так, что их глаза оказались на одном уровне. Девушка повисла над землей, боясь вздохнуть. Ее уже не смущали люди, глазеющие с порогов убогих лачуг. Пугал лишь демон. И сейчас она как никогда понимала, что должна научиться владеть своими эмоциями. Не злить его. Быть тихой. Ждать.

– Ты принадлежишь мне, и должна быть покорной. Больше никогда не смей требовать и диктовать условия, – сверкнул он глазами. – Если я говорю – не думать, значит, ты перестаешь это делать.

– Перестать думать? Это как? – все мысли о том, чтобы не провоцировать хозяина, мигом вылетели из головы. – Я свободный человек, а не кусок дерева!

Амон хохотнул.

– Свободный человек? Здесь нет свободных людей. Оглядишься. Люди тут – рабы, и ты в том числе, – все еще продолжая улыбаться, он покачал головой. – Забавная.

Подобное высокомерие настолько рассердило девушку, что она, забыв о смирении, изо всех сил ударила господина кулаком в грудь. И тут же застонала от острой боли в ушибленной руке.

– Ненавижу! – прошипела Кассандра, тряся ушибленной конечностью. – Вечно я из-за тебя что-то себе ломаю.

Демон ничего не ответил, возвращая на лицо маску равнодушной насмешки, за которую его хотелось пришибить и развеять в пыль.

– Здесь помоешься и переоденешься. А то пахнет от тебя...

– Это не помешало тебе меня целовать, – огрызнулась Кэсс, обходя собеседника по крутой дуге.

– Так это был поцелуй? – он выглядел удивленным. – Я все время забываю, как примитивны и скучны люди.

«Примитивная и скучная» в ответ на эти слова с хриплой ненавистью спросила:

– Тебе во мне хоть что-нибудь нравится?

Тогда Амон протянул руку, лениво накрутил на палец огненную прядь и слегка потянул к себе:

– Их цвет.

– Да? – Кассандра дернула головой, пытаясь освободиться. – Не повезло тебе – они отращут и станут каштановыми.

Опять эта усмешка. О чем он думает? Чего хочет? И почему ее это так волнует?

– Когда закончишь – жди здесь. Отойдешь хоть на шаг – найду и прибую.

Он втокнул ее в баню и, даже не глядя на двух угодливо склонившихся девушек, приказал:

– Отмойте и переоденьте.

Едва дверь за господином закрылась, банщицы захлопотали вокруг посетительницы. Та еще недоуменно озиралась, а ловкие прислужницы уже стащили грязную, пропахшую потом одежду и проводили в наполненную душным паром клетушку. Там стояла огромная лохань, на две трети наполненная водой. О, блаженство!

Забраться по крутой лесенке и перешагнуть высокий медный бортик Кэсс помогли, и вот она со счастливым стоном опускается в горячую воду. Как хорошо! Намыливая голову какой-то вязкой субстанцией отвратительного цвета, девушка прокручивала в голове все то, что произошло с ней за последние три дня. Странно, но ни перенос в новый мир, ни здешняя жестокая реальность не изменили хода ее мыслей. Все они были об одном. Об Амоне.

Удивительное дело, он мог поглощать и заполнять собой не только пространство, но и разум своей рабыни. Ну, что, что в нем такого?! Почему она то трепещет, то слабеет, то обмирает от ужаса, а то задыхается от нежности? Нежности к кому? Что он вообще такое? Демон. И что? Что это означает?

Девушка ожесточенно намыливала волосы, взбивая руками густую плотную пену.

В нем однозначно присутствует человеческое, потому что он умеет принимать человеческий облик, но... это человеческое – скорее видимость, обличье. Потому что на самом деле в нем жил Зверь. Да, именно так – с большой буквы. Этот Зверь был жесток, коварен и властолюбив, как все хищники. И в паре Человек-Зверь главенствовал, без сомнения, второй. Или...

Купальщица замерла в лохани, перестав себя нещадно тереть. Или нет? Интересно, сколько ему лет? Тридцать, триста? Сколько вообще живут подобные существа? А та бездна, которая смотрела из его глаз? Откуда она? Почему в душе у Амона пустота и тьма? Он ведь живой, он дышит, чувствует – откуда эта жестокость? Пускай в нем обитает Зверь, но ведь и Зверь способен на ласку, на преданность, на тепло. А в ее хозяине как будто нет ничего и близко похожего. Или есть?

Когда он наклоняется к ней так, что она слышит его дыхание, когда прикасается без жестокости... Зачем он это делает? И почему потом может так больно ударить? Станный он. И безжалостный. А значит – очень опасный. Надо быть с ним всегда настороже. Но все-таки, почему, если она его ненавидит – яростно, всей душой, до судороги в горле – почему замирает от ужаса каждый раз, когда думает о том, что он мог остаться всего лишь сном?

Погрузившись в лохань с головой, Кэсс некоторое время лежала под водой, стараясь ни о чем не думать. Уж лучше не рисковать, а то наслушаешься потом от него...

Через час девушка, посвежевшая и порозовевшая, оглядывала себя, стоя перед тусклым и, откровенно говоря, кривым зеркалом. Отшлифованный до блеска кусок металла – вот что это было такое. Но кто станет отвлекаться на такие частности, когда все тело будто стало легче от сладкого ощущения чистоты?

Банщицы принесли ворох одежды, из которого даже удалось выбрать довольно-таки сносные вещи. Кассандра остановилась на черных башмаках, черных же штанах и то ли блузе, то ли тунике... В общем, льняной удлиненной рубашке с разрезами по бокам. Самый удобный покррой для езды верхом. Нашлась среди кучи тряпок и шерстяная накидка, правда, великоватая. Впрочем, учитывая то, как несказанно повезло с нужным размером обуви, расстраиваться из-за слишком просторного плаща было бы верхом глупости.

Поблагодарив неразговорчивых, но улыбающихся и все время почему-то кланяющихся ей прислужниц, до неузнаваемости преобразившаяся посетительница вышла на улицу. Амона нигде не было, как не было и остальных спутников. Девушка стояла одна, озираясь по сторонам и пытаясь понять, что же ей теперь делать. Ждать? Торчать дура-дурой посреди улицы, и терпеть то, как на нее и ее огненную косу, распушившуюся после мытья, пялятся все, кто проходит мимо? Из-за домов доносились заманчивые призывы что-то купить. Торг.

Любопытство пересилило осторожность, и Кэсс, плюнув на запреты хозяина, пошла туда, откуда слышался гул голосов. Завернув за угол, она увидела небольшой, но оживленный рынок. Народу здесь толкалась тьма (видимо, приезжали из соседних поселений), все улыбчивые, счастливые. Странно было видеть подобное после всего узнанного про этот мир и место людей в нем. А может, Амон наврал, и никакие они не рабы? Иначе чего бы им так радоваться?

Возле каждого прилавка покупатели истово торговались с продавцами. Заразившись общим весельем и жизнерадостностью, девушка рассматривала товары. Тут были и вязаные платки, и ткани (правда, неярких и не разнообразных тонов), и утварь, и украшения. Возле одного лотка Кассандра замерла в восхищении – разложенные медные, деревянные украшения и впрямь были хороши.

Особенно ей понравился широкий браслет с эмалью бледно-голубого цвета. Вещица незатейливая, но очень милая – примитивный орнамент, неряшливость чеканки делали ее особенно привлекательной. Девушка крутила побрякушку в руках и жалела, что не может купить.

– Ай, красавица! – подошел плотный краснощекий торговец. – Нравится?

Красавица кивнула:

– Очень симпатичная вещица.

– Бери! Дарю! – щедро махнул пухлой ладонью хозяин.

– Нет... – Кэсс даже попятилась. – Не нужно, спасибо.

– Бери, бери! – настаивал продавец. – Пусть никто не говорит, будто Жихарь пожалел для красивой девушки дешевый браслет! Ты наденешь его, и люди спросят, ай – откуда у девушки такая красивая вещица? А ты тогда не забудь сказать, что купила ее у Жихаря из Причалья. Не забудешь?

Он заглядывал девушке в глаза.

Она рассмеялась. Вот это маркетинг!

– Нет, не забуду.

– Ай, посмотри, Лютко, – крикнул хозяин лавки соседу-торговцу. – Какая девушка! Она не только красавица, но еще и умница.

С этими словами торговец сам надел ей браслет на руку.

– Носи на долгую память. Не забывай Жихаря!

Улыбаясь во весь рот, Кассандра отправилась дальше, разглядывая новенькое украшение. Она шла счастливая и уже начала заглядываться на другие лотки, как вдруг над толпой, перекрывая общий гам, полетел свирепый возглас:

– Воровка!

– Держи воровку!

– Нахалка!

– Вон та, красноволосая!

– Держите девку!

Чьи-то сильные руки стиснули Кэсс за локти.

– Что? – она в недоумении оглянулась.

Тот самый Жихарь, который всего пять минут назад так сладко улыбался и нахваливал свой товар, указывал пальцем на растерянную чужачку.

– Стащила браслет, бесстыжая! Что вытаращилась?! Глаза твои наглые! Деньги, деньги давай!

– Но... – пролепетала девушка, в растерянности озираясь, – вы же сами мне его подарили! Есть свидетели!

Она обвела толпу зевая испуганным взглядом, выискивая торговца с соседнего Жихаревскому лотка. Увы, того нигде не было. Между тем вокруг собиралась внушительная толпа.

– Да в петлю ее, дрянь такую! – вдруг заорал кто-то. – Мало ль таких тут каждый день рыщет, а мы потом убытки считай!

В ответ на эти возмутительные слова Кэсс хотела сказать что-то гневное, несогласное, но неизвестный деревенский силач подхватил ее и поволок в центр торга. Здесь, посередине площади стоял грубо сколоченный деревянный помост.

Девушка в ужасе закричала и забилась в руках мужчины, когда поняла, куда ее волокут. Лобное место...

Все это уже было. Она видела и этот эшафот с крепкой виселицей, и эту толпу, и эту площадь. Несчастливая упиралась, рвалась из рук, кусалась и царапалась, однако людской поток, словно живая волна, нес ее туда, куда она так не хотела попасть.

Еще мгновение, и сон, который снился так давно, едва ли не столетие назад, оживает. Кассандра стоит на высоком помосте, толпа ревет и кто-то пахнувший потом и чесноком набрасывает ей на шею петлю.

– Ну где же ты?... – в отчаянии шепчет девушка, судорожно ища в толпе знакомую плечистую фигуру.

Ощущение безысходности сделалось нестерпимым, когда стало понятно: он не придет. Он далеко и не услышит, даже если она будет кричать. В глазах задрожали слезы, мешая видеть происходящее. Жуткий сон стал явью. И Кассандра мысленно, как могла громко, закричала: «Амон! АМОН!!!» В голову больше ничего не приходило, только его имя, и она раз за разом повторяла его, не слыша воя толпы и гневных объяснений Жихаря. Так вот что такое самосуд. Кэсс звала и звала... но он не слышал.

Откуда-то из далекого далека донесся скрип рычага. На бесконечно долгое мгновение жертва почувствовала, как помост уходит из-под ног, а потом сильные горячие руки подхватили ее, не давая рухнуть в пустоту. Кассандра прикинула всем телом к своему спасителю, по-прежнему захлебываясь мысленным криком. Он сдернул с нее петлю, сорвал с рук веревки и крепко прижал к себе.

Рабыня вцепилась в хозяина, сотрясаясь от ужаса. Она боялась, что он вновь исчезнет, а ей придется остаться один на один со своим кошмаром. Желтые звериные глаза больше не пугали, девушка льнула к свирепому Зверю, и никакие силы не смогли бы сейчас развести ее судорожные объятия. Вне себя от пережитого ужаса, она верила только Амону. Демон вздохнул, и, поколебавшись, положил ладонь на жалко подрагивающую макушку.

– Тихо, тихо. Задушишь, – он говорил спокойно, но все-таки не оставлял попыток разжать судорожно стиснутые руки.

– За что, за что? – взхлеб повторяла Кэсс, запрокидывая голову, но, к радости, не видя сквозь пелену слез, какие тени ходят по нечеловеческому лицу, как пламенеют на черной коже багровые узоры.

Наконец, господин не выдержал. Привычным уже движением потянул за огненные волосы:

– Мы сейчас уедем.

Он обернулся на стихшую в почтительном ужасе толпу. Люди так дружно пали ниц, что взору открывались лишь спины. Кассандра не видела, какой огонь вспыхнул в желтых звериных глазах, она по-прежнему цеплялась за своего избавителя, боясь отпустить его хоть на секунду.

– Прекрати меня тискать, нам надо сесть на лошадь, – он попытался отстраниться, но рабыня лишь с еще большим отчаяньем вцепилась в широкие плечи.

– Нет... нет... не отпускай меня!

Конечно, Амон мог отшвырнуть ее, как делал уже не раз. Но он не отшвырнул. Хотя отчетливо понимал, что совершает ошибку. Опасную ошибку, из разряда тех, что не прощает его мир.

– Не отпускаю. Не верещи, – он обхватил девушку за талию и свел с помоста туда, где стоял, нетерпеливо прядая ухом, вороной жеребец.

Кэсс не смотрела по сторонам, когда они выезжали из селения. Она уткнулась зареванным лицом в плечо своему спасителю и старалась не всхлипывать, так как уже поняла, что он не выносит слез. Амон ехал молча. Больше он не сказал ни единого слова утешения. К чему утешать – все уже закончилось. А в деревне до утра не доживет ни один человек. Отряд вышколенных Амоновых демонов об этом позаботится.

* * *

Когда она поняла, что потерялась, было уже слишком поздно. И слез на оплакивание своей горькой участи уже не осталось. Кассандра не могла больше рыдать, не могла идти, не могла даже дышать. Сердце болезненно трепыхалось, в боку кололо, голова от долгих слез была тяжелой, затылок ломило, нестерпимо клонило в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.